

Борис Цеханович

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Гражданка

Борис Цеханович

Гражданка

«Автор»

2019

Цеханович Б. Г.

Гражданка / Б. Г. Цеханович — «Автор», 2019

Тебе 45 лет, подполковник, ты здоров, полон сил, брызжешь энергией, имеешь не хилый авторитет и строишь планы на службу ещё как минимум на 5 лет. И вдруг, на полном ходу, тебе вежливо и настойчиво предлагают уйти на пенсию, о который ты вообще не задумывался. И вот перед тобой «гражданка» и целый веер выбора будущего, а ты кроме как служить и воевать ничего не умеешь. И тебя, военного пенсионера, никто не ждёт с распостёртыми объятиями. В повести рассказывается о том, как с боем приходилось завоёвывать свое место под солнцем в гражданской жизни. На обложке фото из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

© Цеханович Б. Г., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Гражданка	5
Пролог	5
Часть первая	24
Глава первая	24
Оперативный дежурный	24
Глава вторая	50
«НПО Строй»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гражданка

Пролог

– Командир 276 полка..., – в глубине полутёмного зала, как на пружинках вскочил со своего места молодой подполковник. Командующий округа, найдя его глазами, сделал непродолжительную паузу и вперив взгляд в командира полка, продолжил суровым, не предвещающим ничего хорошего, голосом, – товарищ подполковник, до меня дошла информация, что у вас начальник артиллерии полка бросил свою артиллерию, взял отпуск аж на 187 суток. Я бы хотел услышать от вас вашу версию – И как это получилось? Задач немерено, а он гуляет уже четвёртый месяц....

В зале, где проходил военный совет, повисла зловещая тишина и десятки лиц с сочувственным любопытством обратили свои взоры на офицера.

Командир полка, несмотря на свою молодость и такую же внешность, был не робкого десятка и отлично знал суть и все нюансы по заданному вопросу, но вот тут чего-то сплеховал. Мог бы чётко ответить – Почему и Как! И Командующий наверняка одобрил бы его решение, но что-то дрогнуло у него в душе, представив на мгновение, как он будет без подготовки, многословно и путано, отвечать на неожиданный вопрос, да ещё на весь зал и бухнул первое, что пришло в голову, даже не задумываясь о последствиях.

– Подполковник Цеханович, вступил в стовор с делопроизводителем строевой части и таким обманным путём оформил себе отпуск.

Брови Командующего в удивлении полезли вверх, по залу прокатился лёгкий гул и у многих офицеров в мозгу проскочила самая разнообразная гамма мыслей, начиная от злорадного – «Вот это влетел начарт....» и кончая сочувственно – «Слили мужика... Наверняка, где-то командиру перебежал дорогу, вот он и сдал....»

Но у Командующего было другое виденье и он изрёк совершенно иное: – Не понял!? Он гуляет четвёртый месяц..., обманным путём.... А вы там тогда на хрена нужны?

Вопрос был поставлен очень прямо и нелицеприятно, отчего на душе у командира полка стало совсем мутно – лучше бы он сказал правду, а так как-то надо оправдываться, что-то говорить в своё оправдание.... Врать.... И через минуту сумбурного словоизвержения, Командующий оборвал подполковника повелительным взмахом руки.

– Товарищ генерал-майор, – это он уже обратился к начальнику управления кадров округа, – тут явно что-то нечисто. Завтра проедите в полк, вытащите на себя этого подполковника и разберитесь. Потом доложите мне – Кто прав. Если надо, начальника артиллерии – Уволить.

..... – Вот так, Борис Геннадьевич... Примерно в таком ключе вчера всё это и произошло.

Я в великом удивлении выслушал рассказ сослуживца, с которым столкнулся на КПП полка, спеша по вызову в полк: – Ну..., от командира я этого совершенно не ожидал. Чёрт.... И что теперь делать? Кто хоть вызывает?

– В штабе сейчас начальник управления кадров бродит. Вот он тебя и вызвал, а перед этим он разговаривал с командиром полка и что тот там ему наговорил, я не знаю. А ты иди... Ждут там тебя.

Меня действительно ждали. В моём небольшом кабинете сидел солидного вида генерал-майор и после моего представления разрешил сесть.

– Ну..., товарищ подполковник, вероятно тебя уже просветили по поводу чего вызвали и я бы хотел выслушать твою версию. Командира полка уже выслушал, так что давайте, товарищ

подполковник, откровенно и без утайки. Отзываются о вас хорошо, имеете большой авторитет в полку и не хотелось бы разочаровываться...

Я испытующе посмотрел на генерала, излучающего доброжелательность. Посмотрел... Ну.., что ж... Расскажу, как было.

* * *

После прихода полка со второй Чечни он был практически разогнан. Контрабасов, которые были – уволили. Срочникам в подавляющем большинстве подошёл конец службы, так как на войне у них шёл срок 1 день войны за 3 дня службы. Так..., остались считанные единицы. Офицеры и прапорщики, прикомандированные с других частей округа, тоже разъехались по своим частям, сдав в полку должности.

После небольшого перерыва полк собрали заново. Весной поставили молодое пополнение, добавили немного офицеров и прапорщиков и вновь началась боевая подготовка. По всем руководящим документам мы не должны были сдавать осеннюю проверку. Но..., округ решил – 276 полк проверку сдавать будет. Поэтому пришлось без раскачки впрягаться в мирную жизнь. Я то нормально всё это пережил, а вот мои подчинённые, молодёжь, тяжело. Вернувшись с войны, где они показали себя с самой лучшей стороны, где над душой не стояли проверяющие, где всё оценивалось по другим критериям, где люди занимались своим делом, которому они и были предназначены, где они оценивались по результатам выполнения боевых задач – Выполнил или не выполнил....

И вот им было трудно, без раскачки, перестроиться на мирный лад. Неохота было изо дня в день заниматься рутинной, учить людей, проводить планомерную воспитательную работу. Всё это, конечно, велось, но велось вяло и без желания, как будто офицеры ожидали что вот..., вот..., поступит некий приказ и всё волшебным способом вернётся обратно: будут опытные, обстрелянные срочники, умелые подчинённые и стрелять они будут опять – как «бог на душу положил». Или их прямо завтра отправят в длительный отпуск за Чечню и когда они вновь выйдут на службу, солдаты будут обучены и научены всему.

А тут ещё ходит начальник артиллерии, зудит над душой и непрестанно теребит, постоянно требует проводить занятия более активно, творчески и с отдачей. На арт. стрелковой подготовке нужно напрягать мозги, вспоминая Правила Стрельбы, Курс подготовки и стрелять по этим правилам, а не как в Чечне. Вот это они искренне не понимали, азартно пускаясь со мной в споры на эту тему и задавая один и тот же вопрос – А как же боевой опыт?

А я ходил на занятия, выдёргивал солдат и проверял, что они усвоили из темы занятия и частенько приходилось самому вмешиваться в учебный процесс, чтобы расшевелить всех. Но как только уходил, всё вновь замирало.

Сколько раз я им говаривал, взывая к их разуму: – Товарищи офицеры, была война и мы там воевали. Война закончилась. И теперь забудьте про неё. Забудьте про того противника, где мы имели превосходство во всём и поражали его как хотели. Следующий противник будет другой. И его нужно будет уничтожать тоже по другому и весь ваш чеченский опыт на следующей войне пригодится лишь частично. Осенью проверка и там нас будут оценивать совершенно по другим правилам...

И вроде бы понимали, и соглашались, но продолжали топтаться на месте, окунувшись в воз мелочных проблем.

И такая ситуация была не только в артиллерии полка, но и во всём полку. Все жили ещё прошедшей войной, никто не хотел заниматься скучной рутинной и ворох проблем просто нарастал и копился во всех сферах жизнедеятельности полка. Меня начала тревожить обстановка и внутри воинских коллективов обоих дивизионов. Там верх взяли даги и хоть пока не беспредельничали, но всё было на грани Чрезвычайного Происшествия.

Командиры подразделений не могли переломить ситуацию и полк в этом направлении начало лихорадить, преподнеся несколько неприятных сюрпризов.

Как-то раз, в одном из мотострелковых батальонов комбат собрал в свой кабинет всех офицеров и прапорщиков на совещание и в самый разгар обсуждения поставленных задач в расположении послышался шум приличной драки.

Не успел один из офицеров, по кивку комбата, выйти и разобраться, как дверь кабинета открылась и на пороге появилось двое гражданских крепкого телосложения, преградив выход из кабинета: – Товарищи офицеры, вы пожалуйста не выходите из кабинета и не обращайтесь внимания на шум. Мы тут с вашими дагами немного потолкуем и уйдём...., – и закрыли кабинет.

Ну, раз с дагами..., ну тогда пусть немного их поучат уму разуму, а мы вмешиваться не будем.

Когда шум утих и офицеры вышли в расположение, то были удовлетворены теми живописными позами, в которых лежали вырубленные даги и их внешний вид. Оказывается, даги наехали на одного из солдат батальона. Отобрали у него деньги и слегка постучали по морде. Ладно бы только просто постучали, но сам этот процесс происходил довольно унижительно и парень не захотел прощать или сделать вид, что против лома (в данном случае стаи дагов) нет приёма. Он в увольнение поехал на Уралмаш, нашёл парней из Уралмашевской группировки и пожаловался на дагестанской засилье.

– А что офицеры?

– А что? Да ничего.... Они бы рады кулаки почесать об их рожи, но «руки у них повязаны»... Потом же их и самих сделают замполиты виновными... А вы сила и ничего вам не будет если что....

Вот и приехали уралмашевские парни на целом автобусе и преподали урок гостям с Кавказа – «Это вы там, на Кавказе хозяева, а тут, на Урале – вы гости....»

Только утих шум по этому случаю, новый инцидент уже в мотострелковой роте, где даги подняли голову и тут уже сержантский коллектив роты сам принял решение и сами ночью вскрыли гнойный нарыв.

Шуму было даже больше, чем от предыдущего. Наехало начальство с округа, приехали старейшины дагестанской общины Екатеринбург, которые начали увещевать: – Ну что вы...? Наши ребята очень горячие и не всегда по молодости могут просчитать последствия. Вы уж их простите и они больше так себя с русскими вести не будут....

Вроде бы всё уладили, даги притихли, но видать мозгов совсем мало и через месяц снова начали голову поднимать и пришлось их опять учить крепким русским кулаком, причём целым разведбатальоном, где был крепкий воинский коллектив и хороший принцип – «Один за всех и все за одного».

Вот на фоне этих событий пришлось и мне, как начальнику артиллерии, вмешаться в воспитательный процесс. Видя бессилье командиров подразделений, а может неопытность, пришлось применить довольно рискованный ход. И если дальше пошло что-то не так – уголовка мне была бы обеспечена. Причём с такой херовой формулировкой, как – «Разжигание национальной розни в воинском коллективе, приведшей к тяжким последствиям....».

Неожиданно пришёл в казарму и по тревоге построил весь личный состав обоих дивизионов, вместе с командным составом. Вывел из строя семерых дагестанцев и показал им на строй. После чего больно ткнул пальцем в солнечное сплетение лидера даговской группировки.

– Ну..., боец, ответь мне – Сколько стоит человек в строю? Ты что пучишь глаза? Тебе что не нравится – То, что я тебя пальцем ткнул или мой вопрос? Чего молчишь? Отвечай.... Или говори, сколько человек, или пошли меня на х...й. Покажи свою крутость. Ты же Даг... Гордый кавказский мужик. Вы же умеете, когда вас толпа, а офицер один.... Я уж про простого солдата вообще молчу. Так ты что молчишь, солдат? – Я яростно затряс дага за плечо, а потом повернулся к строю.

– Ну..., что вы ссыте...? Кого...? Вот это чмо....? Вот он сейчас стоит и не знает, как поступить, потому что видит, что офицер вообще не боится его. Боится послать его на х...й, потому что понимает, что сразу же получит в рыло. И так хорошо.... получит. Я ведь не буду ему говорить – Как вы разговариваете, товарищ солдат, с подполковником...? Я ему прямо в рожу возьму и со всей русской дури въеду и рожа его превратится в сковородку, потому что вот этот шнобель, называемый носом, будет внутри вот этой бестолковой головы, – я не выдержал и очень хлётко вlepил по голове затрещину. После чего вновь повернулся к строю.

– Вот смотрите – он молчит. Он даже не дёргается. И его земляки тоже молчат. А почему? А потому что они не могут понять непонятного поведения начальника артиллерии – то ли он сошёл с ума? То ли он ничего не боится? Не боюсь я... И вы чего боитесь? Их всего семь человек. Посмотрите, всего семь... Жалкая кучка ублюдков, которые возомнили о себе многое. Я неправильно сейчас поступаю, но хочу хоть немного в вас что-то мужское пробудить. Если боитесь вот этой жалкой кучки... Ну..., устройте им «тёмную». Ночью, накиньте одеяло и отпинайте от души. Сегодня ночью это прямо и сделайте. Они ведь и не узнают, кто их превратил в котлету. Отхерачьте....

Солдаты в строю озадаченно запереглядывались, а я уже схватил за шкварник другого дага и затряс его: – Смотрите, суки, их тут 284 человека в строю И если ночью каждый из них еба...ёт ногой или въеба...ит кулаком – от вас блины останутся. И сажать за вашу смерть некого будет. И мне за призывы к расправе ничего не будет. Слава богу, справка есть, что контуженый... А теперь слушай команду. Офицеры разоитись по своим канцеляриям.

Дождавшись, когда офицеры с недоумёнными лицами разошлись, снова скомандовал строю: – Правое и Левое плечо – Шагом Марш, – а после того, когда толпа солдат сомкнулась кольцом вокруг меня и дагов, удовлетворённо похлопал по щеке лидера землячества, – сочувствую, не сладко сейчас вам придётся. Но..., сами виноваты.

Когда зашёл в канцелярию командира дивизиона, меня встретили возмущением: – Борис Геннадьевич, при всём нашем к вам уважении вы сейчас поступили неправильно. Вы подстрекали солдат на преступление. Вы представляете, что будет, если они сегодня ночью их отхерачат?

– Почему ночью? Надеюсь, что сейчас..., – и прислушался к невнятному человеческому гулу, доносящемуся из-за двери. Но уже через полминуты вынужден был разочарованно констатировать.

– Зассали... И вы не ссыте... Так и так снимут вас... Подстрекал бы я тут или не подстрекал – всё равно бы ЧП с участием дагов произошло. Так что не расстраивайтесь. Всё ещё впереди. Посмотрим, как ночь пройдёт...

Пособачились мы там хорошо. Я и сам, хоть внешне излучал уверенность – переживал. Но ночь прошла спокойно. Даги остались живыми и у них тоже видать в мозгах что-то щёлкнуло. По крайней мере они притихли на некоторое время, а я подпинывал командование дивизионов: – Парни, инициатива сейчас на вашей стороне. Давите их и с остальными продолжайте работу....

А сам вновь окунулся с головой в работу, решая кучу задач, сыпавшихся прямо как из рога изобилия. Так уж получилось, но артиллерийская вертикаль власти претерпела кардинальные изменения и, как это не печально, но решительные артиллерийские начальники ушли, а вместо них пришли другие – менее решительные. Так вместо генерал-майора Шпангель, болевшего за артиллерию округа и способного любого «порвать» если тот в сторону артиллерию даже криво посмотрит. Не говоря уже о большем – вот вместо него стал начальник штаба артиллерии округа и после Шпангеля он старался быть «в тени», зная, что генерал Шпангель настроил многих окружных начальников против артиллерии. Вместо решительного и грамотного полковника Алабина, начальника ракетных войск и артиллерии дивизии пришёл полков-

ник Половинкин. Тоже нормальный и грамотный офицер, но нерешительный и мягковатый. Отчего помощи в решении задач, которая очень часто нужна, было не дожидаться.

Вызывает как-то полковник Половинкин меня к себе в середине августа: – Борис Геннадьевич, через три дня ты должен будешь показать офицерам округа в рамках показательных занятий, оборудованную позицию миномёта со всеми элементами и провести показательную стрельбу из миномёта полупрямой наводкой. Как это ты сделаешь – я понятия не имею и тут тебе весь карт-бланш в твои руки. Давай..., не подведи...

Блядь, тут задач... И это ещё... Ладно, завтра займусь...

Но завтра с утра не получилось и вечером я судорожно, вместе с капитаном Кравченко, оформлял все необходимые документы для выезда на Адуйский учебный центр, одновременно получая боеприпасы и загружая всё, что необходимо для занятия, на ГАЗ-66. Впрочем, к двенадцати часам ночи, усталые и довольные, мы с командиром миномётной батареи разошлись по домам. Всё было загружено, осталось только утром выехать на полигон. А там, за сутки, мы с Кравченко что-нибудь придумаем, чтобы «не ударить лицом в грязь».

И действительно. Прибыв на полигон и пройдя по старым огневым позициям, у нас тут же родился план проведения занятий, состоявший всего из двух пунктов – оборудование показательной огневой позиции миномёта и сама стрельба полупрямой наводкой.

– Саша, ты всё понял? Ну..., тогда занимайся, а я грибы пособираю, чтобы обед шикарный приготовить.

К обеду всё было готово. Старые огневые почистили, где-то положили новый дёрн, кое-что углубили, подновили, разложили инструменты, приборы, ящички и окоп миномёта просто «заиграл». Хоть сейчас его фотографируй и на плакат, в качестве учебного пособия. Поэтому обед прошёл с энтузиазмом, с разумным употреблением горячительного напитка, под ехидное хихиканье миномётного расчёта, обедавших рядом с нами разогретыми на костре сухпаями. К вечеру подъехал кунг Половинкина, где старшим машины был молоденький лейтенант с батареи управления и ужинали у костра втроем. Причём, ужин был сдобрен парой бутылок водки, отчего утром я и Кравченко дышали здоровым перегаром, докладывая о готовности к занятиям прибывшему начальству, а молодой лейтенант продолжал лежать в отключке в ближайших кустах.

– Цеханович, тебе занятие проводить, а ты же пьяный..., – огорчённо констатировал полковник Половинкин. Но уже через пять минут он забыл про всё и восхищённо цокал языком, разглядывая окоп и все какие положенные элементы.

– Фу..., ну тогда.... Тогда, ещё не всё потеряно.

Через два часа, когда на автобусе прибыли окружные офицеры, а на своих служебных «Волгах» генералы и замы командующего, я и Кравченко, были в порядке – перегара стало гораздо меньше, красные глаза несколько побелели и даже лейтенант почти осмысленно смотрел на мир из дальних кустов. Правда, новый начальник ракетных войск и артиллерии округа полковник Иванов осуждающе окинул мой несколько помятый внешний вид и фейс, но промолчал. Лишь настороженно наблюдал за реакцией замов командующего и, видя, что те с интересом и благосклонно оглядели окоп и выслушали мои краткие пояснения, облегчённо перевёл дух.

Также с любопытством и с видимым интересом остальные офицеры осмотрели миномётный окоп, прослушали пятнадцатиминутную лекцию – Как и почему..., и что должно и как работать..., и что такую позицию и так могут оборудовать, только люди прошедшие войну..., да ещё и не одну...

Что было довольно приятно. Не ударил лицом и Кравченко со своими миномётчиками, выпустив с десятков мин прямо по цели, которой являлась одинокая высокая сосна в полутора километрах от нас.

Занятие закончилось и через пять минут они уехали на другую учебную точку – танковую директрису, чтобы наблюдать стрельбу танков. А Половинкин с полковником Макушенко уединились в кунге, куда позвали через несколько минут и меня.

Макушенко передал благодарность от имени полковника Иванова и сам тоже выразил облегчённое удовлетворение от удачного выступления артиллеристов 276 полка: – Тяжело нам сейчас, Борис Геннадьевич, после Шпанегеля. Все стараются артиллерию клюнуть, пнуть, подставить подножку... И ведь делают, мстя хоть таким образом Шпанегелю, зная, что тому в училище неприятно это знать. И Иванов очень переживал за это занятие. Но..., слава богу....

Немного выпили и я ушёл, оставив полковников общаться наедине. Макушенко скоро уехал, а Половинкин снова пригласил меня к себе. Был он уже хорошо вмазанный и сидел, размазавшись по топчану.

– Борис Геннадьевич, большое тебе спасибо за такое занятие. Очень я вчера переживал... Вроде бы сам всё прошёл и если бы мне это занятие поручили, не думаю что я бы это хуже организовал. Но вот в роли начальника артиллерии дивизии..., да ещё когда нужно зарабатывать плюсы... Сам понимаешь, что с уходом Шпанегеля – даже некому защитить артиллериста или даже меня, если бы ты это занятие провалил. Иванов даже пёрднуть там в округе боится, боится что его сожрут... Так что, спасибо.....

Быстро собрались и поехали обратно в полк. Половинкин на своём УАЗике ускакал вперёд, а я повёл нашу маленькую автомобильную колонну из ГАЗ-66 и Кунга начарта дивизии. Правда, когда мы въехали в город, лейтенант отстал и потерялся в мешанине улиц и перекрёстков, и в полк я приехал один. Доложил по телефону Половинкину о благополучном прибытии и о потере машины с лейтенантом, что здорово всполошило Половинкина.

– Цеханович, надо выехать обратно в город и найти лейтенанта. Там водитель машины молодой солдат и лейтенант тоже. Ни хрена оба не знают города и надо их найти...

Ехать мне в час пик в город, категорически не хотелось. Во-первых: приехав в полк, меня сразу захлестнул вал проблем и поступивших задач в эти сутки. Во-вторых: перед моим столом стояли два молодых лейтенанта, прибывших в противотанковую батарею с Казанского арт. училища взводными, а в-третьих: считаю, что лейтенант поплутает немного по городу и всё равно доедет. Это даже ему на пользу пойдёт. Что я и высказал нетрезвому начальству, чем вызвал немалое возмущение.

– Так, слушаю, – кивнул лейтенантам.

– Товарищ подполковник, лейтенант Тюнин прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности командира первого взвода в противотанковую батарею.

Я перевёл взгляд на второго: – Товарищ подполковник, лейтенант Матвеев прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности командира второго взвода в противотанковую батарею.

– Женаты?

– Так точно.

– Где жёны? Вместе с вами...? На КПП ждут?

– Никак нет. В Казани остались. Будут ждать, пока с жильём не определимся...

– Ну и дураки... И вы и ваши жёны...

Лейтенанты озадаченно переглянулись и обиженным тоном одновременно спросили: – Почему?

– Да потому, что через два месяца свободной жизни в Екатеринбурге, вас захомутают местные тёлки и вы сами подадите на развод.

– Не..., товарищ подполковник, мы не такие, – лейтенанты, твердые в своём убеждении, отвергли даже такую возможность, на что я едко ухмыльнулся. Последующие несколько месяцев доказали мою правоту и практическое знание жизни.

В самый разгар подготовки к осенней проверке, меня вызвали в штаб округа.

Чересчур суровый генерал с воспитательного управления сразу поставил перед фактом: – Товарищ подполковник, вы назначаетесь старшим делегации от нашей Свердловской области в Москву. Выезд через три дня.

– Ав..., аф..., Аааа...? – Только так и сумел озвучить кучу неоформившихся вопросов, сразу стремительно закрутившихся в голове, получив «в лоб» непонятную задачу.

– А вот эти вопросы..., более подробно вам объяснит полковник Демидов, – даже не улыбнувшись отфутболил меня генерал к неизвестному полковнику, который впрочем тут же материализовался посередине кабинета.

Уже в коридоре, полковник несколько высокомерно отсек все вопросы, которые я хотел вывалить на него.

– Подполковник, ты делай, что тебе будут говорить. Нам и самим мало что пока известно. Сейчас едешь администрацию области и там знакомишься с представителями Комитета солдатских матерей. Они тебе дают список делегации, которую ты возглавишь и которой будешь рулить в Москве.

– Товарищ полковник, вы хоть в двух словах сориентируйте меня – Что за делегация? С какой целью едет туда? Как едем? Что брать с собой?

– Много вопросов..., – отрубил полковник, но потом ещё раз кинув завистливый взгляд на орденские планки, смягчился и почти по нормальному ответил, – делегация, которую ты возглавляешь, едет в Москву для принятия участия в мероприятиях по захоронению останков неопознанных военнослужащих обеих Чеченских войн. Там будут делегации со всех регионов. Всё это будет сниматься и вставляться в новости. Всё будет на очень высоком уровне и ты должен будешь удержать свою делегацию от излишних эмоций, демонстраций и требований. Кто едет туда ещё неизвестно. Вот этот список после встречи привезёшь сюда и мне. Тогда многое чего станет ясно. Вот так. Остальные вопросы – завтра. Сейчас по ним работают.

– А с кем хоть там встречаться нужно в администрации?

– Да хер его знает..., – с досадой и почти по-человечески выдал собеседник, – через сорок минут тебя там встретят в вестибюле. Езжай, на месте разберёшься.

Наверно, если я был бы в гражданке, то встреча не состоялась. Через проходную, мимо милиционеров шмыгало туда-сюда куча клерков, одинакового вида, одинаковой озабоченности и весомой значимости.

Но как только около милиционеров замаячил военный в означенное время, так сразу же с нескольких углов огромного и холодного вестибюля, ко мне ринулись три женщины: высокая, худощавая, с нервным лицом и порывистыми движениями, другая – с обычной внешностью сельской учительницы и третья..., тоже нормальная женщина.

– Вы от округа старший? – Спросила с некой долей агрессии высокая дама.

– Да, я старший делегации... Меня зовут Борис Геннадьевич, – после чего женщины тоже представились.

Высокая – Галина Николаевна

Сельская учительница – Надежда Михайловна

Третья – Татьяна Ивановна

– Очень приятно. Ничего сейчас вам сказать не могу. И как я понял, основная цель вот этой встречи – это познакомиться, поглядеть друг на друга и ещё – я должен забрать у вас список тех, кто едет в делегации. А округ пообещал всю информацию дать завтра. Поэтому давайте сразу договоримся – как и где нам встретиться завтра, когда у меня будет вся информация на руках.

То ли полковник насчёт меня прозвонил в дивизию, то ли ещё где-то навёл справки, но при второй встрече он был со мной более открытым и позволил общаться с ним на равных, разрешив обращаться по имени и отчеству.

Получив из моих рук список, он погрузился в его изучение. После чего удовлетворённо откинулся на спинку кресла: – Ну, Борис Геннадьевич, теперь можно поговорить более подробно по твоей поездке. В принципе, все вопросы решены, всё готово к поездке, вот эти люди, – он пощёлкал ногтём по списку, – сосредоточены в гостинице, осталось только проинструктировать тебя и сосредоточить все сопутствующие средства в одном месте.

– Что такое Комитет солдатских матерей знаешь? Вернее, сталкивался с ними?

– Приходилось, но слава богу, лишь вскользь... Но..., наслышан много неприятного...

– Во..., ты только наслышан, а нам и мне с ними приходится сталкиваться по всему спектру армейских проблем. Поэтому инструктирую. Если раньше Комитеты солдатских матерей решали только проблемы казарменной жизни, взаимоотношений внутри воинских коллективов, отношений офицер-срочник и наоборот, оказывали давление на командование частей и выше..., если так можно грубо очертить круг их тогдашних интересов. То сейчас, почувствовав свою силу, поддержку среди средств массовой информации..., особенно псевдо демократического толка, они стали постепенно превращаться в некую политическую силу. Пусть она ещё маленькая, но своими демаршами, своими надуманными и политизированными заявлениями и обращениями в средства массовой информации, в псевдо демократические организации, а часто и к зарубежным институтам власти, они уже начинают давить на руководство страны. Сейчас только ленивый не плюёт в сторону армии и на критике армейской жизни некоторые около политические личности пытаются делать политическую карьеру, а некоторые Комитеты, слава богу, не наш и денежки для поддержки получают из разных заграничных фондов.

Вот и твоя первая задача. Твёрдой и жёсткой рукой всё руководство делегацией взять на себя. А мне сказали, что ты это сможешь сделать. Не делись своей властью там ни с кем. Ни под каким предлогом, как бы к тебе не подъезжали. Всё должно быть под твоим контролем. Смотри, там... Вот ты сегодня, в администрации области, встречался с руководителями нескольких Комитетов Солдатских матерей. Это основные твои оппоненты. Я их немного знаю и могу сказать следующее. Если с Надеждой Михайловной и Татьяной Ивановной можно разговаривать, объяснять, убеждать и договориться в конце концов. То вот Галина Николаевна самая опасная и нервная штучка. Истеричная и в этом неадекватном состоянии может принять любое дикое решение, типа: запросто может написать плакат с эмоциональной, провоцирующей надписью и выйти с этим плакатом или к Боровицкой башне Кремля, или к Спасской под объективы иностранцев и журналюг. Или опять же прийти к этим башням, демонстративно сесть там на убогую картоночку и прилюдно объявить голодовку по любому надуманному предлогу. Вот и вторая задача – не допустить таких вывихов. Самое хреновое, что туда приедут с других регионов представители тамошних Комитетов Солдатских матерей. Особенно сильные Комитеты юга России и они самые политизированные, вплоть до того что сами себя называют «Комиссаршами» и совсем заигрались в «политику». И там, когда они сойдутся в одну кучу, твоя задача не допустить проведения их совместного совещания и выработки совместных действий и демаршей. Причём, вот эти с юга будут продавливать решение по проведению публичных акций с привлечением прессы. Как ты это остановишь и предотвратишь – я не знаю. Смотри там по обстановке и действуй.

– Так, Сергей Дмитриевич, там же наверно тоже старшие от их округов будут...? – Полувопросительно и полуутвердительно произнёс я, но полковник тут же разочаровал.

– Ты там будешь один. Остальные делегации едут сами по себе и лишь наш округ решил взять всё под свой контроль и поставить во главе делегации своего офицера. Выбор пал на тебя. Ты прошёл обе войны, из солдат, тебя рекомендовали... Вон и наград у тебя половина груди... Не штабной и это «комиссаршам» должно понравиться. Хотя..., как раз это может наоборот сыграть и отрицательную роль... Там видно будет. Так что смотри – не подведи...

...И не подвёл. Хотя поездка чисто на эмоциональном и психологическом уровне была тяжёлая и выматывающая. Три дня, с утра выезжали на кладбище и участвовали в захо-

ронениях и других сопутствующих мероприятиях. Довольно сложные отношения и встречи с комиссаршами с других Комитетов Солдатских матерей, когда тебя ощупывали оценивающе-настороженными взглядами, пытаясь найти в моей «бронне» слабые места. Было много чего и всякого, и негативного, и положительного. Но... я всё-таки сумел удержать скользкую ситуацию под своим контролем, решительно ломая все начинания комиссарш и их желание что-то сообразить, чтобы осветили и отметили их деятельность в Москве в гнилой и жёлтой прессе. Даже пришлось на второй день организовать в пожарном порядке банкет и собрать их за одним столом и, напоив, таким образом сорвать намечающееся гниловатое мероприятие. И через семь дней делегация благополучно и без всяких там «хвостов» вернулась обратно в Екатеринбург и я был всемерно удивлён, когда на встрече с Командующим округа делегация обратилась с единодушной просьбой поощрить меня.

Но уже на следующий день забыл об этой поездке, полностью окупившись в подготовку к осенней проверке, до которой оставалось буквально несколько дней.

Вроде бы чем ближе к проверке, тем более должны мобилизоваться и сам начальник и его подчинённые, но если начальник артиллерии со своим куцым штабом крутился и даже урывками строил планы на подготовительный период, то вот в дивизионах был разброд и шатание.

В первом дивизионе майор Васильев, пришедший с академии на замену Бухановскому Константину Ивановичу, к сожалению оказался слабым и не стал полноценной его заменой. После нескольких неудач он совсем опустил руки и уже просто плыл по течению. Благо, там костяк дивизиона был из крепких командиров батарей и начальник штаба, хоть всего пару месяцев поставленный на эту должность, находился на своём месте, поэтому за первый дивизион я волновался меньше, чем за второй. Прежний командир второго дивизиона подполковник Ковалёв ушёл на повышение, а я выполнил своё обещание, данное начальнику штаба дивизиона майору Сильверстову, и поставил того на дивизион. А вместо него капитана Комова, работавшего на этой должности на войне. Так вот Сильверстов не потянул дивизион и банально «сломался». Ударился в пьянку, стал зависать, а если всё-таки появлялся на службе и я пытался с ним работать, то из него хлестал фонтан эмоций и какого либо конструктивного разговора не получалось. И весь воз дивизионных проблем взвалил на себя молодой и неопытный начальник штаба капитан Комов и трудолюбиво потащил его на себе. Я уж стал бояться, как бы и Комов у меня не сломался. Но ничего, парень – держится. Главное сейчас сдать проверку – а там будет полегче.

Осеннюю проверку сдали на удивление легко и без больших проколов. Причём, так легко, что даже вспомнить нечего. Но, здесь скорее всего сказался синдром вернувшихся всего несколько месяцев назад с войны. А за эти мирные месяцы мы просто не успели растерять уважение и авторитет, заработанные там.

Несколько дней после проверки дал себе слабину. Да и подчинённым своим тоже. Все наслаждались спокойным течением дел и готовились в течение последующих полутора месяцев спокойно подготовиться к новому учебному периоду и уже весеннюю проверку сдать на твёрдую «четвёрку». Это была такая моя установка.

За эти спокойные дни я обдумал и со знанием положения дел в артиллерии полка составил план подготовки к новому учебному году и продумал, как буду выполнять все 75 пунктов этого плана. Выдал такие же планы с артиллерийских подразделений и постепенно стали наращивать свои усилия в этом направлении.

Но тут меня ожидал неожиданный подвох и совсем с неожиданной стороны. В полку, с давних пор, было заведено хорошее и неизменное правило – командование полка никогда не лезло в артиллерийскую кухню. И начальник артиллерии полка приравнивался к заместителям командира полка и работал, организовывал работу, учёбу в арт. подразделениях по своему плану. Считалось, что артиллеристы более грамотные и организованные, чем мотострелки и способны выполнять любые задачи самостоятельно.

А тут, на полковом совещании, командир полка в ходе обсуждения приёма молодого пополнения, вдруг ставит мне задачу: – Борис Геннадьевич, я принял решение назначить вас старшим на сборах молодого пополнения. Подготовьте список офицеров, которых вы хотите привлечь в администрацию сборов....

– Товарищ подполковник, на этот подготовительный период у меня уже составлен план работы, который вы утвердили и я прошу заменить меня. У нас в полку полно майоров и других офицеров штаба, бесцельно болтающихся...., – я встал со своего места и попытался отъехать, справедливости надо сказать, от этого довольно хлопотливого мероприятия.

– Ничего страшного...., – командир решительно пресёк дальнейшие возможные мои возражения, – у вас там будет около четырёхсот молодых солдат. Там себе отберёте писарей, художников...., людей подберёте и вот с помощью их и выполните все свои задумки. Всё, Борис Геннадьевич, вопрос закрыт.

– Разрешите к вам после совещания зайти?

– Да...

Да..., решение командира полка неприятно озадачило меня. С одной стороны здесь есть свои плюсы и будучи начальником сборов я мог хорошо изучить личный состав, тщательно прошерстить его, выбрав оттуда лучших и после сборов забрать к себе в артиллерию. Но с другой стороны мой план был под срывом. До прибытия молодых солдат оставалась неделя и эта неделя пройдёт в сплошных хлопотах по приёму помещений под сборы, оборудование всем необходимым, в ходе которого нужно будем встретить кучу разных проверяющих и комиссий. Каждая из которых, с умным видом будет нарезать дополнительные задачи и создавать трудности. Ну..., это мы пройдем. Потом сам приём молодого пополнения, изучение его, организация учебного процесса и контроль за ним. Короче, месяц долой.

– Чёрт... И что делать?

На виду у всех я и командир полка общались всегда официально – Товарищ подполковник..., товарищ подполковник.... Но наедине, мы были проще – Борис Геннадьевич..., Андрей Владимирович...

Вот и сейчас, командир полка вольготно и с наслаждением раскинулся в кресле: – Чёрт, устаю... Вроде бы моложе тебя всего на десяток лет, а такое внешнее впечатление, что я больше устаю чем ты... Хотя ты тоже, достаточно крутишься. Наверно, насчёт сборов молодого пополнения пришёл разговаривать?

– Да, Андрей Владимирович. Тут мы только вдвоём и знаем друг друга уже почти десять лет... Поэтому предлагаю поговорить откровенно и без обид...

– Да какие обиды, Борис Геннадьевич...., – вроде бы добродушно пошёл навстречу мне командир, но тут же, хоть и мягко, но подчеркнул разницу, – вот только задачи и должности у нас разные...

– Ну..., должности у нас разные, но задача одна. У вас полк, у меня артиллерия в составе полка, практически тоже артиллерийский полк советского времени, и наши задачи плотно и закономерно связаны. Какую получит оценку артиллерия, полк выше никогда не получит. И наоборот – артиллерия получит оценку «Удовлетворительно», а полк «Хорошо».... Ведь «Хорошо» не поставят, а поставят «Уд...». А нам обоим нужно «Хорошо». Мне для личного удовлетворения и небольшого плюсики, вам – для хорошего «Плюса» и для следующего шага вверх. А чтобы выше получить – сейчас нужно артиллерию ой как пасти и активно пинать под задницу. Положение дел в артиллерии вы знаете не хуже меня, но вот пинать под задницу.... Извините меня, Андрей Владимирович, у вас просто возможности нету и простыми вашими наскоками и периодическим «накручиванием хвостов» ничего вы не сделаете. Это могу, в данном случае, сделать только я, зная свою артиллерию изнутри, имея реальный план и рычаги воздействия на командование артиллерийских подразделений. Давайте правде смотреть в глаза. Поэтому предлагаю вам, пересмотреть своё решение. Вы занимаетесь полковыми

задачами, я артиллерией, а сборами молодого пополнения... Ну..., неужели у нас не найдётся в целом полку лишнего майора или подполковника? А ведь мне уже сейчас нужно думать о зимних лагерях и вы прекрасно знаете, что ни в полку, ни в артиллерии нет ничего для банальной организации даже палаточного лагеря. Летом я пошёл на откровенный криминал и сумел достать для артиллерии 12 кубов досок. И где они? По вашему приказу они были переданы в мотострелковые батальоны с возвратом и всё... Нет досок. И всё надо начинать сначала. А планирование? Кто его будет делать? Капитан Константинов. Вчерашний комбат... А ведь после зимних лагерей мы практически сразу уходим на весеннюю проверку... А тут ещё парадные тренировки... И всё это время для артиллерии нужен пастух и кусачая собака, такая хорошая кавказская собачка, злая, которая бы их гнала..., гнала... вперёд. А начальник артиллерии на два месяца вылетает из процесса, занятия по боевой готовности и там только месяц остаётся до зимних лагерей, когда я смогу как-то влиять, но на это влияние будет накладываться лихорадочная подготовка к лагерям. И получается, что только вот эти полтора месяца подготовительного периода у меня и есть, чтобы нормально разогнаться и сделать какой-либо нормальный задел, чтобы не в спешке, а спокойно решать все вопросы...

Командир полка с досадой цыкнул сквозь зубы, покрутив головой из стороны в сторону, как бы соглашаясь со мной и машинально переложив несколько письменных предметов на своём столе. Потом облокотился на руки, подавшись вперёд и в мою сторону.

– Да согласен я с тобой почти на 100%. Но как есть последовательные пути решения задач, так и параллельные. И подойти к решению задач можно тоже по-разному. Я почему тебя выбрал? – теперь командир откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул, – понимаю твои проблемы, но они несколько местечковые... – тоже без обид. Да и решишь ты их. Даже не сомневаюсь. У меня на полковом уровне полно как задач, так и проблем. И они совершенно другие и гораздо сложнее. А ты там, на сборах, прикроешь мою спину и освободишь моё командирское время для решения других полковых вопросов. Так уж получается, что при наличии целой кучи свободных подполковников и майоров, только тебе могу это доверить. Знаю, первые недели тебе там будет тяжело, но ты справишься и меня не будут дёргать по мелочёвке. Так что, Борис Геннадьевич, вот такой простенький расклад. Как при советской власти пели – Партия сказала «Надо», комсомол ответил – «Есть»...

Я тяжело вздохнул, понимая, что командир всё уже про себя решил, но с другой стороны я, даже чисто психологически, был не готов к такому повороту и решил бороться до конца: – Это-то я понимаю, и также прекрасно понимаю, что мои артиллерийские проблемы и ваши имеют разные весовые категории. И ваше довольно шаткое командирское положение тоже понимаю. Да..., сейчас прикрою вашу спину, но когда закончатся сборы, эту спину – вашу и мою начнут клевать и даже не вспомнят, что начарт два месяца рулил молодым пополнением. Но вот в свою очередь могу подсказать довольно эффективное решение, которое в прошлые годы только так использовали. И вы с полка эту задачу скинете и у начальника артиллерии руки будут развязаны. Станьте в дивизии в позу – что, мол некого на сборы ставить и пусть они ставят туда любого подполковника с кадрированными полков 324 либо со 105 полка... Уууу...? Андрей Владимирович...?

– Борис Геннадьевич, не потянет..., – командир, поморщившись, тяжело вздохнул, осев ещё глубже в кресле, – по неопытности своей я уже назвал твою фамилию и она сразу всех в дивизии устроила. А то, что ты предлагаешь – дивизия на это не пойдёт. Это тогда дивизии самой придётся расхлёбывать все проблемы карантина. А это им надо? Гораздо проще спихнуть на полк. Одной задачей больше, одной задачей меньше... Так что, Борис Геннадьевич, дерзай. Тебе не впервой расхлёбывать дерьмо.

На следующий день, сразу после полкового построения я двинулся в штаб дивизии к полковнику Половинкину, которому и выложил свою беду. Тот крепко возмутился и пообещал решить этот вопрос.

А на вечернем совещании командир полка выверился на меня: – Товарищ подполковник, перестаньте бегать по начальству. Вопрос решён и через несколько дней вы обязаны приступить к обязанностям начальника сборов молодого пополнения. Если вы и дальше будете дёргаться – то я могу и поставить вас по стойке «Смирно!» и отдать официальный приказ. После совещания зайдёте ко мне.

Командир был сильно разъярён, но в ходе совещания весь запал злости был излит на других «героев дня» и когда зашёл к нему в кабинет, он был уже не в состоянии провести разнос динамично и активно. Устало махнул рукой, приглашая сесть, и через минуту обоюдного молчания пожаловался: – Борис Геннадьевич, твой Половинкин меня трепал, как всё равно какого-то бестолкового командира дивизиона или командира батареи. Пришлось его прилюдно поставить на место и напомнить, кто он и кто я – командир развёрнутого полка.

Мы сидели напротив друг друга и молчали, обоюдно недовольные друг другом и сложившейся ситуацией. Я не хотел заниматься этими несвоевременными сборами, когда у тебя громадьё продуманных и выстраданных планов и которые вот так просто шли на слом. Командир понимал, что я и дальше буду упираться и тоже искал решение, как заставить самого старого и самого опытного офицера полка всё-таки выполнить его приказ.

Я первым нарушил молчание: – Андрей Владимирович, обижайся на меня, но всё-таки я отказываюсь от этой должности... Не хочу и желаю. Почему – по-моему ясно всё изложил. Назначение на эту должность расцениваю с точки зрения начальника артиллерии полка, как бесполезно выкинутое время не только двух месяцев, но и целого периода обучения.

– Это ты так смело мне говоришь, – командир возмущённо вскинулся, – потому что ты старше и опытней меня, потому что мы служили с тобой и воевали, потому что....., потому что...

Он попытался и дальше сформулировать причины моего отказа, но не получилось и неожиданно сформулировал: – потому что я молодой командир полка. А вот попробуй через несколько дней произнести отказ начальнику штаба округа. Я посмотрю – какой ты смелый.

На следующем полковом совещании, без всяких преамбул, командир поднял меня с места и категоричным тоном отдал приказ: – Товарищ подполковник, приказываю вам приступить к обязанностям начальника сборов молодого пополнения.

Приказ есть приказ и мне только и оставалось ответить – «Есть!». Но я тоже ожесточился.

Последующие несколько дней прошли под знаком психологической подготовки к рандеву с начальником штаба округа. Ещё раз сходил к начальнику ракетных войск и артиллерии дивизии полковнику Половинкину и с сожалением констатировал – не боец он. То ли ему сверху сказали «цыц», то ли командир полка дерзко и прилюдно осадил его по этому поводу на дивизионном совещании, но Половинкин мялся, невнятно что-то бубнил и вообще он был уже согласен с моей временной должностью. Подумал было обратиться в штаб артиллерии округа, но вспомнил неопределённого полковника Иванова и отказался от этого хода. Нет Шпанегеля и не у кого просить помощи артиллерийскому офицеру и начальнику. И когда мне сообщили, время и место совещания по развёртыванию сборов молодого пополнения, я был уже готов ко всему.

– Да и пошли они все и всё на хрен... – так неопределённо очертил круг противников и последствий, ожесточённо плюнул на асфальт плаца и пошёл в первый батальон.

Комната досуга и отдыха первой роты, первого батальона встретила меня сумраком и невнятным гулом собравшихся. Командир полка пальцем и молча показал место рядом с собой, куда я и приземлился. А ещё через пять минут в комнате появился генерал-лейтенант и дивизионные офицеры, разным боком отвечающие за организацию сборов и за их проведение.

Всё совещание я сидел деревянной чуркой, подымался, когда ко мне обращались и отвечал на разные вопросы, прямо чувствуя, как рядом командир полка расцветал от осознания

моего слома. В конце совещания, начальник штаба захлопнул свою рабочую тетрадь и задал дежурный вопрос.

– У кого есть вопросы?

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант. У меня есть заявление, – даже не видя лица командира, почувствовал, как он болезненно сморщился, а все присутствующие в комнате затаились, но я бесстрашно продолжил, – товарищ генерал-лейтенант, в 276 мотострелковом полку, где я являюсь начальником артиллерии, по штату два развёрнутых артиллерийско-самоходных дивизиона, три миномётных батареи, восьми орудийного состава, противотанковая батарея, взвод управления начальника артиллерии и штаб артиллерии. Это практически артиллерийский полк советского времени в количестве 567 человек офицеров и солдат. Артиллерия полка всего четыре месяца тому назад была выведена из Чеченской республики, где принимала участие с сентября 1999 года в контртеррористической операции. За эти четыре месяца артиллерия уволила в запас 100% старого личного состава срочной службы и вновь приняла 100% молодого личного состава. Успешно сдала проверку.

В комнате стояла мёртвая тишина, а начальник штаба округа с непроницаемым лицом слушал.

– После всех мероприятий осенней проверки и на её результатах, мною был составлен план устранения недостатков, обнаруженных в ходе проверки и летнего периода обучения. Этот план предусматривает ряд мероприятий и направлений повышения уровня боевой подготовки арт. подразделений, боевой готовности и совершенствование учебно-материальной базы. Этот план был представлен командованию полка, и моему артиллерийскому начальству как в дивизии, так и округа. Основной движущей силой этого плана определён я – начальник артиллерии. А в связи с исполнением обязанностей начальника сборов, я из этого процесса исключюсь минимум на 2 месяца.

В связи с вышесказанным, прошу вас своей властью освободить меня от должности начальника сборов и назначить туда офицера с меньшим объёмом задач.

Я замолк, в комнате висела напряжённая тишина, а начальник штаба в упор рассматривал меня глазами отнюдь далеко не дружественными, что и подтвердили последующие его слова.

– Товарищ подполковник – вы трус. И в вашем заявлении много «Я». Вы много о себе думаете и прикрываете мифическим планом свою трусость перед теми трудностями и проблемами, которые сопутствуют этому важному мероприятию. Вам доверили эту ответственную работу, а вы трусливо прячетесь за свой фиговый план...., – дальше в течение нескольких минут шла самая банальная жвачка, по итогу которой офицер помоложе меня, менее стойкий или исходя из других причин, должен молча проглотить все эти обидные сентенции и через силу включиться в эту не нужную ему работу. Наверно такой финал предполагался и в моём случае: дивизионное начальство и командир полка будут удовлетворены постановкой на место возомнившего о себе подполковника. Те, кто пониже рангом и положением, втихушку выскажут мне сочувствие и где-нибудь в офицерской компании выразятся в том смысле, что вот, Цеханович..., на что уж заслуженный, а поставили на место только так.... И ему пришлось всё это проглотить...

Но все ошибались, не учтя несколько моментов. Первый: я уже давно не был тем пацаном, пусть и военным пацаном, которого можно вот так трепать. Во-вторых: я прослужил в войсках 27 календарей и прошёл многое, что даже генерал-лейтенант за не меньшую свою службу не прошёл и вероятнее не видел, и не пережил. Я знал себе цену и как офицеру, и как артиллеристу и она была подтверждена последней войной. Ну, а самое главное – я служил уже сверх предельного возраста и имел Всё. Отличную квартиру, пенсионный возраст, да и достиг своего «потолка» и ничего не терял. И как один «высокий» кадровик мне сказал: – Боря, ты сейчас можешь спокойно на строевом смотре подойти к Командующему округа и дать ему в рожу.... И ничего тебе не будет – тебя уволят на пенсию всё равно по статье – По предельному возрасту....

Поэтому я смело заявил: – Товарищ генерал-лейтенант, вы первый начальник и офицер, что в Советской армии, что в Российской, который обозвал меня Трусом. Здесь, – я махнул рукой за свою спину, – сидят офицеры и прапорщики, которые видели меня во всякой ситуации, в том числе и в боевых, и никто из них никогда не скажет, что я трус. Поэтому, уважая ваши погоны и вашу должность, я бы попросил очень осторожно высказываться по этому поводу. Я старший офицер и могу призвать к ответу.

Во-вторых, товарищ генерал-лейтенант, исходя из всего, что вы тут сказали в мой адрес, я вообще отказываюсь исполнять должность начальника сборов. Разрешите сесть. – Резко закончил и сел, не ожидая разрешения.

Тишина.... Тишина перед грозой, готовая взорваться матом, криком, топаньем ногами и в данном случае ещё и словесным поносом, вперемешку с угрозами. Но ничего этого не последовало. Надо отдать должное начальнику штаба округа, которому не часто приходилось слушать отповедь в ответ на свои рассуждения. Он помолчал, с любопытством разглядывая меня, и принял решение.

– Командир полка...

– Я..., – рядом поднялся Андрей Владимирович.

– Кандидатуру подполковника заменить на другую. Совещание закончено. – Взял рабочую тетрадь и вышел из помещения. Следом за ним поспешно вышло дивизионное начальство, даже не успев выразить в мой адрес суровое порицание. И было непонятно: то ли начальство, даже после такого моего ответа, вняло всё-таки моим доводам..., либо... Либо, приняв такое решение, затаилось, чтобы потом спокойно свести со мной счёты.

Я тоже вышел, при полном молчании присутствующих и отчуждении командира полка.

Весь оставшийся день до совещания прошёл под знаком поганого настроения и ожидания развязки. Перед совещанием я узнал, что вместо меня начальником сборов был назначен командир кадрованного зенитно-ракетного дивизиона с 324 полка. Ну и сразу надо было так поступить. В дивизионе у него ни одного солдата, только три офицера в подчинении. Само совещание прошло в рабочем порядке. Лишь в конце, командир сказал: – Начальник артиллерии, зайдите ко мне в кабинет.

В кабинете он сразу же протянул мне чистый лист стандартной бумаги.

– Товарищ подполковник, пишите рапорт на увольнение.

– Основание?

– Не выполнение приказа командира полка.

– Товарищ подполковник, такого факта не было. На ваш приказ я ответил «Есть» и это могут подтвердить все офицеры, присутствующие на совещании. Я лишь сделал заявление начальнику штаба округа и ваш приказ был отменён вышестоящим начальством. Причём, заметьте, в результате этого с вас, и с полка, сняли головную боль в виде сборов. – И положил чистый лист обратно на стол.

Командир задумался на несколько секунд и предложил следующий вариант: – Борис Геннадьевич, после того что произошло между нами, а если быть точнее между командиром полка и начальником артиллерии, который подверг сомнению приказ командира полка... Вот после этого, я как командир полка, при всём моём уважении к вам, не хочу иметь подчинённого, оспаривающий или обсуждаемый мои приказы. Предлагаю: либо вы пишите рапорт на увольнение, либо о переводе в другую часть, военкомат, вышележащий штаб – короче, куда хотите. Я со своей стороны, как командир полка, дам вам самые хорошие рекомендации.

– Андрей Владимирович, это не только ваш полк, это и мой полк, в составе которого мы, вместе с вами воевали, служили и служим. Но если вы так категорично ставите вопрос, то предлагаю компромиссный вариант. Сейчас я пишу рапорт на месячный отпуск. За этот месяц мы оба остынем и уже с холодным рассудком снова подойдём к этой проблеме и примем решение, выгодное для полка.

– Ладно, я согласен на этот вариант. – И через две минуты подписал мой рапорт на отпуск, со следующего дня.

Первые два дня я отдыхал спокойно, а на третий телефон разразился звонком и раздражённый голос полковника Половинкина забился в телефонной трубке: – Борис Геннадьевич, я не понял – Какой отпуск? Тебя освободили от должности начальника сборов, чтобы ты работал, а ты свинтил в отпуск на целый месяц. А кто будет делать планирование? Твой бестолковый капитан Константинов? Который слово Планирование слышит первый раз в жизни. Кто будет пинать в задницу твои дивизионы? Я что ли? – Были и другие возмущённые обвинения, которые я терпеливо выслушал.

– Ну что ты там молчишь? – Задал уже в спокойном тоне вопрос начальник, выпустив в раздражении весь пар.

– Я вас очень внимательно выслушал, товарищ полковник....

– Ну и...?

– Только я не понял – Благодаря вам меня освободили от сборов? Или меня со скандалом, на уровне округа, отстранили от этой должности? Ещё ведь непонятно, как для меня это всё закончится...

– Цеханович..., – взорвалась трубка новой и доброй порцией злости, – ты не переваливай с больной головы на здоровую...

– Как это не переваливай..., – бесцеремонно прервал начальство, – я к вам пришёл за защитой, за помощью. Думал, что полковник, начальник артиллерии дивизии, офицер в возрасте и с опытом, найдёт рычаги воздействия и только так поставит молодого, неопытного командира полка на место и защитит своего подчинённого. А что получилось? Вот я уверен, только без обид, если на вашем месте был бы полковник Алабин, тот сумел бы отстоять начальника артиллерии РАЗВЁРНУТОГО полка от этих сборов. Да ещё бы оттрахал прилюдно за такое решение командира полка. А вы что мне ответили – Не могу..., не могу... Неужели нельзя было прийти к командиру дивизии или к начальнику штаба, стукнуть кулаком.... Всё объяснить. Ведь если бы сейчас Шпангель был на месте, представляете, чтобы он с вами сделал – вот за эти сборы?

А так обидно. Никто не защитил, все попинали и прилюдно, боевого начальника артиллерии, награждённого орденами и медалями, в довершении прилюдно обозвали трусом. А после этого предложили написать рапорт на увольнение... И где был начальник артиллерии полковник Половинкин? Ведь если сейчас продавят решение о моём увольнении, вы ведь до лета не увидите на 276 полку полноценного начарта, потому что я буду гулять все не догулянные отпуска. Вам это надо? Когда артиллерией будет рулить либо капитан Константинов, либо один из командиров дивизионов, которых самих надо ещё учить и учить....

– Так, Цеханович, жду тебя через полчаса у себя. Тогда и поговорим.

– Товарищ полковник, не вижу смысла. Выслушать тоже самое, что вы сказали по телефону!? Так я прекрасно слышал. А вот если вы поговорите с командиром полка и убедите его вернуться... Тогда с удовольствием вернусь к исполнению своих служебных обязанностей.

– Ну ты и наглец, Борис Геннадьевич. Но я тебя предупреждаю, когда ты вернёшься на службу.... Ох и оторвусь я на тебе..., – полковник многообещающе засмеялся в трубке злоеющим смехом Мефистофеля и отключился. Но я не беспокоился. Пётр Николаевич Половинкин был нормальным командиром и начальником. Да..., слабоват, когда встречал сильного противника с более сильной волей, но он был отходчивым и не злопамятным.

Через три дня он позвонил вновь, но тон его был совершенно другой – обескураженный.

– Борис Геннадьевич, признаю. Я проиграл. Твой командир полка, этот молодой пацан, упёрся рогом. Честно сказать, я..., да и ты сам на его месте заняли бы точно такую же позицию. Не смог я его переубедить. Но ты ведь можешь, даже в отпуске выйти и денька два-три поработать. Хотя бы планирование сделать.

– А оно у вас хотя бы есть? Ваше дивизионное...?

– Есть в общих чертах...

– Хорошо. Я выйду.

Через час я заходил в штаб полка и как по закону подлости, в вестибюле уткнулся в командира полка.

Я чертыхнулся про себя, но принял строевую стойку: – Здравия желаю, товарищ подполковник. – И козырнул.

– Здравствуйте, товарищ подполковник. – Он протянул руку и мы обменялись рукопожатиями, – И что вас привело в отпуске в полк?

– Да вот ..., зашёл..., соскучился. Так сказать, вздохнуть военного духа, – отделался неопределённым ответом.

Командир оглядел пустой вестибюль, глянул на большое стеклянное окно помещения дежурного по полку, через которое с любопытством смотрел на нас помощник дежурного. И убедившись, что нас никто не слышит, приблизил своё лицо ко мне.

– Борис Геннадьевич, мы ж договорились с тобой и тоже самое я сказал твоему начальнику, которого ты подослал ко мне – Я не желаю видеть тебя в полку. В отпуске – вот и отдыхай там.

– Андрей Владимирович, давайте не будем лезть в бутылку. Я пришёл сюда хотя бы проинструктировать капитана Константинова, как планирование делать и вообще, какие выполнять задачи в первую очередь, а какие во вторую... Всё-таки я ещё пока начальник артиллерии и до моего возможного увольнения меня ещё не раз спросят за неё. Да и вам тоже зададут неприятные вопросы.

Андрей Владимирович с силой и громко втянул в себя воздух, через нос. Чувствую, что ему хотелось очень громко выразиться, но он сдержался.

– Хорошо, Борис Геннадьевич, тридцать минут и в полку до конца отпуска вас нет.

– Ну и чёрт с тобой, – мысленно чертыхнулся я про себя и, проинструктиввав Константинова, через тридцать минут ушёл.

Я махнул рукой на всё и целую неделю отдыхал, наслаждаясь покоем и бездельем. Но через неделю мне позвонил Половинкин.

– Борис Геннадьевич, выходи на службу.

– Товарищ полковник, только я там появлюсь и командир полка меня мигом выгонит дальше отдыхать.

– Не ссы, Борис Геннадьевич, всё нормально. Твоего командира самого в госпиталь положили на три недели. Что-то там нашли у него. Полежит, отдохнёт, по-другому поглядит на ситуацию. Там ещё с ним поработают в твоём плане... Так что, вперёд...

– Ну..., тогда я согласен.

Я с удовольствием вышел на службу и с таким же дурацким удовольствием окунулся в круговерть полковых проблем. Чему был несказанно рад Константинов, которого они, эти проблемы, просто затражали.

Две недели пролетели как один день, не только в решении проблем и возникающих задач, но и в подготовке ко Дню Артиллерии. Сумел выбить из полка под это дело неплохое финансирование и представить к премированию практически всех. Мои бойцы, со взвода управления начальника артиллерии, изготовили большой фанерный щит, который установили в вестибюле штаба и где под названием «Артиллерия – боевая наша жизнь» разместил около сорока фотографий боевых действий артиллерии на второй Чеченской войне и около него всегда толпился народ, разглядывая цветные, глянцевые фотки. Под праздничный банкет заказали офицерскую столовую и сам банкет прошёл тоже отлично. Но вот тут я совершил политическую ошибку. Неосознанно... и практически на ровном месте. Так уж получилось и без всякого умысла. На вечер был приглашён бывший командир полка полковник Никитин, которого после

полка назначили на должность городского военкома в городе Ревда. Естественно, был приглашён на банкет и Андрей Владимирович, в госпитале ему было вручено красочное приглашение, тем более что болезнь вылечили и он уже заканчивал лечение. Но он поблагодарил за приглашение и отказался, передав своё поздравление с праздником. А полковник Никитин пришёл и его встретили очень душевно и тепло. Очень его уважали в полку. И вот в самый разгар банкета подняли тост за командира полка. Тост произносил я и без всякой задней мысли провозгласил его, выразив свою мысль, как – «За нашего командира полка...». У меня ещё тогда тревожно шевельнулась мысль, что я что-то сделал неправильно или как минимум неверно. Но она только шевельнулась и исчезла.

Вот как раз вот эти последние слова и были преподнесены командиру полка с двойным смыслом. Типа, подполковник Цеханович настраивает артиллерию против командира полка...

Я с внутренним напряжением ждал появления командира в полку и когда он появился, то с облегчением перевёл дух. Встретились мы нормально. В течение дня он периодически вызывал к себе и советовался по тем или иным вопросам по артиллерии. За дни моей работы все завальные проблемы были решены или находились в стадии благополучного разрешения. Решительно продвинулись работы и по моему плану, давая хорошую почву для спокойного и плодотворного учебного процесса и плавного входа в зимние лагеря, с последующим рядом батарейных, дивизионных учений с боевой стрельбой.

Также в рабочем порядке прошло и полковое совещание и приглашение командира полка зайти к нему в кабинет, лишь слегка насторожило.

– Борис Геннадьевич, давайте до конца решим наши взаимоотношения. Без эмоций и споров, – в доброжелательной форме предложил командир.

– Я готов, – я тоже был настроен только на положительное разрешение проблемы. Так как уже знал, что в госпитале с ним «хорошо поработали».

– Борис Геннадьевич, в принципе я готов был забыть недоразумение произошедшее на почве сборов молодого пополнения. Хочу спасибо вам сказать, что вышли из отпуска и эти дни добросовестно тащили свой артиллерийский воз. Но меня тут немного просветили, по некоторым праздничным событиям..., так сказать поставили в известность. Так вот хочу сказать – полковник Никитин, уважаемый командир полка – это прошлое, а я – настоящее этого полка и будущее тоже. И вот в этом будущем я вас не вижу. Поэтому пишите рапорт на увольнение. Если вы откажетесь писать, то увольнение всё равно будет, но оно уже будет не таким почётным...

Я сразу вспомнил тост, матернулся про себя и попробовал объяснить, что донося мой тост до него, были неправильно расставлены акценты и интерпретация тоста тоже была искажена. Но Андрей Владимирович был непреклонен.

– Борис Геннадьевич, давай не будем спорить. Правильно..., не правильно... Для себя я всё решил. Даю честное слово, что ты отгуляешь все свои не догулянные дни. За это время пройдёт оформление и... на заслуженных отдых.

– Андрей Владимирович, а ведь все не догулянные дни отпусков – это ведь до середины июня... И всё это время артиллерия будет обезглавлена. Зимние лагеря, боевая стрельба, весенняя проверка. Ведь это всё надо будет организовывать....

– Ничего..., переживу...

Долгим взглядом посмотрел на командира полка, взял чистый лист бумаги и твёрдой рукой написал рапорт на увольнение.

На следующий день в строевой части мне посчитали все дни положенного отпуска. Я ошибся всего на две недели – конец отпуска в конце июня.

– Борис Геннадьевич, вы только сами с отпускным сходите к командиру полка, чтобы он подписал. Не положено отпускать в отпуск на такое количество дней... Чтоб меня потом козлом отпущения не сделали..., – попросил начальник строевой части.

Командир молча подписал отпускной билет и мы расстались....

.... – Вот так, товарищ генерал-майор, и получилось. Ни в какой стговор, ни с кем не вступал. И командира полка за такой ляпус не хочу винить – растерялся парень, вот и сказанул первое пришедшее в голову, и служить я хочу. Если бы не хотел, так сразу же после прибытия из Чечни и уволился, а не трахался здесь. Уж извините за выражение. Помогите мне, товарищ генерал-майор, разрулить эту ситуацию. Готов хоть с завтрашнего дня на службу выйти и служить дальше, – я закончил рассказ и замолчал, ожидая реакции генерала.

– Мда..., – задумчиво протянул окружной начальник, – да я с самого начала не поверил этому. Начальник артиллерии полка не та фигура, чтобы незаметно провернуть с делопроизводителем такую аферу и командир полка ничего не мог сделать. А вот с дальнейшей службой наверно ничего не получится. Говорят, ты с начальником штаба округа хорошо отметился и на заметку к Командующему попал. Так что..., готовься к увольнению. Ну..., а чего ты переживаешь... Квартира у тебя есть, уйдёшь как по предельному возрасту, выслуга у тебя приличная и пенсия будет такая же приличная, как средняя зарплата по Уралу. Отдыхай...

Так оно и получилось. Никому я не говорил, что уже через два месяца отпуска озверел от безделья и к этому времени работал оперативным дежурным самого крупного и раскрученного в Екатеринбурге охранного предприятия.

В марте лёг на 21 день в госпиталь для предпенсионного обследования, а в конце июня вышел приказ о моём увольнении на пенсию. Оставалось только провести банкет, который я организовал в «греческом» зале столовой нашего полка.

Я сидел за столом и встречал приходящих сослуживцев, переходил от кучки к кучке, общался с ними. За стол не садились, ожидая командира полка. Утром я зашёл к нему в кабинет.

– Андрей Владимирович, не поймите как-то неправильно... Время всё лечит и я не в обиде на вас. Ну..., получилось так – значит, так получилось. Приглашаю вас сегодня на банкет по случаю убытия на пенсию. Я вас там жду. Жду с открытым сердцем.

Командиру, конечно, было неудобно, чувствовал он, общаясь со мной, скованно, поэтому пришлось ещё раз предупредить: – Андрей Владимирович, жду и без вас не начну. Вы обязаны прийти....

– Боря, – меня в сторону отвёл товарищ, приближённый к штабу округа, – Боря, сюрприз услышать хочешь?

– А он что – меня касается?

– Касается. Касается... Даже напрямую. Только ты пока ни кому не говори, – он таинственно огляделся, а я даже предположить не мог – Чем он может меня удивить?

А товарищ уже горячо шептал на ухо: – Боря, вот правильно говорят и правильная есть народная пословица – Не рой яму другому – сам в неё попадешь..., – товарищ интригуяще посмотрел на меня и продолжил, – сегодня Командующий подписал приказ о снятии с должности твоего командира полка с последующим увольнением из Вооружённых Сил.

– Ни хера себе..., – только и смог протянуть в удивлении и выкатив глаза, – А за что?

– Как не справившегося с командованием полка. Только ты пока молчок. Этот приказ ему завтра озвучат.

Пообщаться и узнать подробностей не удалось. Товарищ сам знал только факт подписания, да и появился командир полка и народ с оживлением стал рассаживаться по местам.

Традиционный стакан водки, после которого выдохнув водочный свежачок, представился по поводу выхода на пенсию. Потом первый тост командира полка.

– Борис Геннадьевич, хочу сразу попросить у тебя прощения. Ведь это я..., вернее с моей подачи произошло вот это печальное для тебя событие...., – командир замолчал, исподлобья глядя на меня. Я поднялся с рюмкой водки.

– Андрей Владимирович, я бы тебя тоже уволил, если был на твоём месте. Так что не переживай – на то ты командир полка. И я не священник, чтобы отпускать грехи или прощать. Просто забудь, Андрей Владимирович, и давай продолжать это мероприятие.

Командир оживился и стал дальше говорить, а я сидел напротив его и смотрел, не вслушиваясь, погружившись в прошлое и вспоминая всех командиров полков, с которыми пришлось служить. И в их ряду Андрей Владимирович выглядел бледновато, не из-за того что он был плохим командиром полка.... Просто ему не повезло со временем, когда на этой должности выживали сильнейшие и мудрые по жизни. По военной жизни. И сгорали менее подготовленные к сложной командирской стезе. А Андрей Владимирович был просто молодым командиром полка, не успевшим набрать необходимого военного и командного опыта. И методы, которые он применял можно назвать кавалерийскими. Всё делалось наскоками и с размахиванием над головой шашкой. А так...., было бы для службы в армии нормальное время. Например, как советское и В спокойной обстановке, где всё было планоно, когда даже неожиданные задачи и те были плановые... Покомандовал полчком годика три-четыре, получил полковника и пошёл бы выше.

Да..., ничего страшного. Снимут, уволят... Как сейчас модно – уйдёт в МЧС и будет дальше служить. И получит своего полковника...

Нормально прошёл банкет. Я исполнил последнюю традицию: вышел со всеми на полковой плац, кто ещё мог шевелиться и ходить и запустил колесом по асфальту фуражку, с обязательным воплем: – Да пошли вы все на фуй....

Правда, утром, когда я пришёл в кабинет забрать свои вещи, почищенная фуражка лежала на моём столе.

– Товарищ подполковник, вы вчера свою фуражку на плацу потеряли..., во..., нашли и принесли, – сообщил мне сержант Поляков, вызвав у меня здоровый смех.

Я сидел последний раз за своим столом, оглядывал кабинет, смотрел на Полякова, трудолюбиво склонившегося над очередным списком, понимая – вот сейчас встану и уйду. И ВСЁ. 27 лет военной службы будут позади. Больше я никогда не буду командовать. Именно командовать. Не будет своеобразных военных отношений. Не будет учений, бессонных ночей, не будет «любимого» личного состава, и тех проблем, которые они приносят. НЕ БУДЕТ того чем я всегда гордился – принадлежностью к армейскому сообществу. Сообществу настоящих мужчин. А будет размеренная жизнь обычного гражданского человека с кучей свободного времени и с возможностью увильнуть или уйти в сторону от трудностей, если не захочешь их преодолевать. Прислушивался к себе, пытаюсь разобраться – Что я испытываю? Сожаление? Радость? Безразличие к происшедшему изменению моей жизни? И ничего там не увидел, кроме заглушенной тоски по ушедшему громадному куску жизни. Сейчас, пока ещё не осознал до конца происшедшего в моей жизни события. До вчерашнего дня я ещё числился в армии и был в армии, а с сегодняшнего дня уже не числюсь. И нет какого-либо иного ощущения. Я сижу в форме, у себя в кабинете, послезавтра опять в форме и в парадной иду на выпуск старшего сына из нашего арт. училища, которое будет проходить на центральной площади города. Может там я почувствую, на этой процедуре – «Пост сдал – Пост принял» и эта эстафетная палочка перешла в руки другого артиллерийского поколения...

.... Не знаю...

На пороге кабинета оглянулся и ещё раз затуманенным взором, от наворачившихся слёз, поглядел назад, в прошлое – Прощай Армия.

Часть первая

Глава первая

Оперативный дежурный

Наступил Новый 2001 год. Весело прошли новогодние каникулы. В отпуске по увольнению я был уже два месяца. Отдохнул, переделал все свои дела, которые всё время откладывал на лучшие времена и банально озверел от безделья и скуки. Хотя ещё теплилась надежда, что командир полка одумается и в любой день меня выдернут на службу, но в тоже время начал потихоньку думать уже и о гражданской жизни, прикидывая – Чем я ТАМ буду заниматься? И ничего не мог придумать. Я просто не знал, куда мне идти на гражданке и чем заниматься. Вот просто ни единой здоровой мысли...

Конечно, можно было пойти по стандартному пути военного. То есть тупо поступить в охрану. Но мне претила даже сама мысль – стоять «на калитке», открывать и закрывать её, проверять документы и медленно тупеть или красиво деградироваться.

Вот и плыл по течению, резонно считая, что рано или поздно всё само собой решится. А случайная встреча с товарищем, Сергеем Бариновым, неспешное общение за пивком и неожиданное его предложение, расставило всё по местам.

– Боря, да иди к нам, в агентство охраны... Мы самая крупная охранная организация в городе и люди к нам постоянно идут... – Сергей сделал крупный глоток из кружки и вытер пену с губ, – и такие толковые, как ты нам нужны.

– Да ну... – отмахнулся я и тут же привёл свои стандартные аргументы насчёт постепенной деградации у «калитки», – да я ещё как бы и не уволен из армии. Не примут.

– Да ты что! Фигня это. Во-первых: ты там будешь не простым охранником, а оперативным дежурным. И поверь мне, там у тебя мозги не заплесневеют. Наоборот будешь включать их на полную катушку. А во-вторых: насчёт приёма на работу даже не волнуйся – временный договор и всё в порядке.

– А ты там кем работаешь?

Сергей с досадой чмыкнул уголком губ: – Работал..., по сигнализации, но уже как две недели уволился. Но компания нормальная, рекомендую... И..., на номер телефона, – который тут же был написан на салфетке.

Два последующих дня я прикидывал это предложение с разных сторон на себя и всё-таки решился – надоело дома сидеть. А там осмотрюсь и найду, куда потом уйти. Позвонил по телефону, озвучил желание поработать в компании и получил ответное предложение прийти в понедельник на собеседование.

От просторного офиса агентства на девятом этаже высокого здания, красиво отделанного современными материалами, на меня повеяло солидностью и респектабельностью. Я представился секретарше и та сразу передала меня начальнику охраны, который и должен был проводить собеседование.

Виктор Николаевич, так он отрекомендовался. Высокий мужчина, в костюме, галстучек в тон костюма. Внимательным взглядом оглядел меня и задал ряд вопросов – Откуда знаю компанию? Кто меня может порекомендовать? Чем занимался раньше?

Но после того, как я сказал – что подполковник, что выхожу на пенсию и ищу чем буду заниматься, и что рекомендовал их компанию бывший сотрудник Баринов... Вот после этого собеседование сразу и закончилось.

– Пойдёмте, покажу, чем вы будете заниматься. – Мы поднялись и, выйдя из кабинета начальника охраны, через десять метров зашли в комнату оперативного дежурного в конце коридора.

Мда..., моё, вполне вероятно, будущее рабочее место приятно удивило и одновременно слегка напугало.

Небольшое помещение, метра три шириной и метров в пять длиной вмещало большой пульт, на котором стояло три работающих монитора, с ползущими вверх бесчисленными строками с непонятными данными разных цветов. На пульте моргали кучи огоньков, несколько телефонов, радиостанции. На стенах тоже висели работающие электронные блоки и кипела работа. Две молодые женщины пристально смотрели на мониторы, тут же отвечали на непрерывные звонки, причём ответы их укладывались в секунд семь-восемь и содержали тоже семь-восемь слов или цифр. Хрипели радиостанции, что-то докладывая, на что женщины отвечали либо – «Принято», либо ставились дополнительные задачи....

– Ну..., это самая горячая пора. Когда идёт вскрытие объектов и одновременно постановка квартир на охрану. А у нас только квартир около восьми сот... После одиннадцати часов работа оперативного дежурного и его помощника входит в спокойный режим. А потом примерно вот такая горячка начинается в семь часов вечера и до одиннадцати и ночь, когда все объекты под охраной, уже проходит тоже более менее в нормальном русле.

– Девочки, одну минуту внимание, – женщины кинули на меня мимолётно-заинтересованный взгляд и снова уткнулись в мониторы. Но было видно, что по ходу своей работы они готовы выслушать начальника охраны.

– Значит так. Борис Геннадьевич..., вполне возможно будет у нас работать оперативным дежурным. Сейчас он у вас посидит здесь на диванчике, а вы ему по ходу действий будете рассказывать – Что и Как....

...Я сидел на низком диване и добросовестно пытался вникнуть в то, чем занимались за пультом. Женщины, одна из них Катя. Невысокая и шустрая шатенка, в возрасте лет 33-35 и, как характеризовал женщин великий русский писатель – «женщина приятной наружности». Помимо всего ещё и очень энергичная. Вторая – Ксения, молодая, лет двадцати двух, высокая, стройная, одетая ярко, но это не смотрелось пёстро, а было в тему. Но она больше молчала и держалась насторожено. А вот Катерина наоборот... Объясняла всё охотно и толково.

Но, я всё равно не понимал – чем они занимались и никак не мог уловить алгоритм действий. Периодически заходил Виктор Николаевич и интересовался... И приходилось с глупым энтузиазмом откликаться, горячо заверяя – что всё нормально и всё понимаю....

Еле дождался обеда и ушёл покушать, решив уже не возвращаться. Ну..., ну ничего не понимаю... Чёрт поberi... В недалёкой от офиса кафешке пообедал, накатило пару бокальчиков пивка, расслабился немного и слегка изменил своё решение: – Чёрт..., неудобно вот так сразу уходить... Как дебил всё равно... Я ж целый подполковник....! Ладно. Делаю умную рожу, сижу, а вечером ухожу и всё....

После обеда я просто маялся от своей тупости и дальнейшего непонимания. Но несколько сглаживало моё неловкое положение оживлённое общение с Катей, с которой трещал на посторонние темы, а Ксения сидела нахохлившись, игнорируя меня. А Катя, между делом, обрисовала мне ситуацию, сложившуюся у них в офисе. С оперативными дежурными было Швах. Разбежались оперативные дежурные. И сейчас по очереди, по ночам, дежурили сам начальник охраны Виктор Николаевич и, его помощник Кирилл Юрьевич. Да и среди помощников оперативного дежурного тоже не хватало одного человека. Оперативными дежурными ходили мужики, а помощниками женщины. Как раз Катя и Ксения. И ещё одна была – Лена. Днём их ещё оставляли вдвоём, а на ночь заступали – либо Виктор Николаевич, либо Кирилл Юрьевич.

В общем..., еле досидел до 18 часов и, бодро пообещав, что завтра непременно приду и к вечеру воткнусь в оставшиеся неясные вопросы, вышел на улицу и с удовольствием вздохнул полной грудью свежий, морозный воздух.

– Хрен вам по всей роже.... Ни завтра, ни послезавтра вы меня тут не увидите, – и пошёл на трамвайную остановку. Можно было, конечно, выйти к перекрёстку улицы Гагарина и проспекта Ленина и там сесть на трамвай. Но решил немного прогуляться и дойти до дома Кино и там сесть на 14-й или 25-й трамвай, который шёл практически до 32 городка. Вся моя неспешная ходьба уложилась в минут сорок, за которые вполне успокоился и стал трезво размышлять о дальнейшем, результатом чего в глубине меня родилась здоровая командирская злость.

– Чего это я...? Бабы, обыкновенные бабы и молодухи запросто там рулят, а я – целый подполковник, прошедший кучу войн, командовавший людьми... – И не могу!? Не могу разобратся в этих сраных компьютерах...? В этих бегущих строчках...? Да вот вам хер....! Разберусь и ещё лучше, чем эти женщины...

Правда, утром, когда поехал и дальше разбираться, настроение уже было отнюдь не боевое, как вечером и кисло пообещал себе: – Если сегодня не разберусь.... То тогда – Да. Не хер мне там делать...

Но к обеду я уже стал потихоньку врубаться, а вечером Виктор Николаевич, задав мне несколько контрольных вопросов, «обрадовал» меня.

– Оооо..., Борис Геннадьевич, да у вас хорошие подвижки. Завтра ещё посидите и полностью освоите всё. А послезавтра, в четверг, заступите стажёром. А с воскресенья на понедельник пойдёте оперативным дежурным уже самостоятельно.

– Виктор Николаевич, да вы – Что? – Нешуточно переполошился я, – Какое дежурство? Я ведь ещё совсем сырой...

– Ничего, ничего, Борис Геннадьевич. В воскресенье на понедельник, там как правило спокойные дежурства и помощником к тебе пойдёт Ксения, самый опытный помощник. Справитесь.

Остальные дни прошли под знаком волнения в ожидание первого самостоятельного дежурства. Я даже спал по ночам плохо. Особенно последнюю перед дежурством ночь. Блин.... Завалю ведь... Причём..., Громко завалю.

Утром, в воскресенье, обречённо приполз в офис. Развод Групп Быстрого Реагирования (ГБР), и охранников провёл Виктор Николаевич, которого менял. Потом вместе спустились с девятого этажа в ружейную комнату, где я принял оружие и боеприпасы. Что мне было знакомо и что меня несколько успокоило.

А через полчаса он ушёл и мы с Ксенией запёрлись в офисе, одни на целые сутки. Конечно, основная нагрузка легла на неё, а я лишь по мере возможности неуклюже и коряво помогал ей. Как я уже знал, под нашей радиоохраной находилось более одной тысячи квартир, офисов, магазинов, киосков, кафешек, саун и прочих мелких объектов, откуда все проверочные сигналы от охранной сигнализации, всех этих объектов, каждую секунду приходили на экраны трёх компьютеров. Они были зелёного цвета, красного и чёрного цветов.

Зелёный – всё спокойно и нормально.

Красный – тревожный, он сопровождался, как правило, ещё и противным звуковым сигналом. Раз появился сигнал Красного цвета, значит произошла сработка сигнализации. Значит там либо проникновение на объект, либо неправильное снятие с охраны, либо ещё что-то.

Чёрного – на объекте пожар или признаки пожара.

На Зелёный сигнал мы не реагировали – раз всё нормально.

На Красный, тревожный Пожарный сигнал – мы должны послать Группу Быстрого Реагирования, которая должна на месте разобраться – Что там происходит? Ну..., и естественно – если нужно вызвать пожарную команду, через нас.

Город для более оперативного реагирования был разбит на четыре Зоны, по числу Групп Быстрого Реагирования, которые обязаны были по получении приказа от оперативного дежурного прибыть к месту сработки в течение 2-4 минут.

Ещё было около шести постов физической охраны. Это в основном проходные институты и офисных зданий. Ещё заключены договора физического сопровождения на двести клиентов. Большинство из которых были иностранцы, периодически приезжавшие в Екатеринбург с деловыми и рабочими визитами. Либо наши крупные коммерсы. Мы их должны были встречать в аэропорту, либо на железнодорожном вокзале и сопровождать к гостинице или к месту проживания, передавая из рук в руки встречающей стороне. У них были радио брелки и если случалась критическая ситуация, клиент нажимал на кнопку и ГБР должна в течение 2-5 минут примчаться и разрешить конфликтную ситуацию, защитить клиента и сопроводить его к месту проживания.

Если с информационной составляющей я более менее разобрался, то вот в практическом плане, мне всё воскресенье пришлось обращаться за разъяснениями по разным вопросам к Ксении, да так часто, и по таким простым и мелким, что к обеду она была разъярена. Хотя изо всех сил пыталась это скрывать. А ведь нам вместе стоять на дежурстве ещё пол дня, и всю ночь. Но она выдержала эти сутки со мной и к концу дежурства была вся измочалена. Честно сказать, я тоже был в таком же состоянии. И мы тихо ненавидели друг друга. Но это дежурство мне дало и огромный опыт. В принципе, я во всём разобрался, всё встало на свои места, оставалось только нарабатывать практический опыт и сокращать время реагирования на различные сигналы и ситуации.

Что я и доложил Виктору Николаевичу при сдаче дежурства.

Но это самое лёгкое. Трудное, как всегда – люди и новый коллектив, в котором ты должен становиться и завоевывать авторитет, без которого работа на любом месте превращалась в тягомотину и это ещё сказано мягко.

Если здесь, в офисе, на девятом этаже, я легко вольюсь в коллектив и у меня с этим процессом не будет проблем, то вот Группы Быстрого Реагирования... Куда шёл по мере возможности тщательный подбор. Мужики с оружием, которые приезжают на место сработки, не зная то ли это ложная сработка, то ли туда залез одиночка, то ли наоборот шурудит шайка отморозенной молодёжи или же взрослые бандюганы... С которыми надо сразу разбираться жёстко и бескомпромиссно. Вот эти парни очень настороженно отнеслись ко мне. Хотя, как и в любом коллективе, здесь были лидеры и группа лидеров, а остальные ведомые. И если я полагаю с лидерами, то с остальными проблем не будет.

В фирме было 12 ГБР. Двенадцать парных групп. Четыре городских Зоны ответственности, по три Группы в каждой. Самые сильные группы Юры Булатова, Володи Макарова и братьев Гильмулиных. Остальные – так себе. Они постоянно тасовались Виктором Николаевичем с целью хотя бы приблизить к уровню сильных Групп.

Уже на втором дежурстве я попытался перехватить инициативу у своей помощницы Ксении, что мне частично удалось. И уточняющих вопросов с моей стороны было гораздо меньше, что создавало более комфортную психологическую обстановку во время дежурства. Но дежурство проходило в будний день, что дало и максимальную нагрузку на нас обоих. И опять большая часть работы легла на плечи моей помощницы. Я просто не успевал. Само дежурство заключалось в постоянном отслеживании текущих по экрану компьютеров сигналов и моментальном реагировании на изменении обстановки.

И, как правило, дежурство с утра начиналось вскачь. Приём дежурства начинался в восемь часов и проходил довольно быстро. Десять минут на приём ружейной комнаты, последующие десять минут проверка оборудования и входение в существующую ситуацию и в усвоении информации прошедшего дежурства – Что случилось? Какие естьстораживающие моменты? На что надо бы обратить особое внимание. После чего подписывается рапорт о при-

ёме и сдаче дежурства и доклад об этом начальнику охраны Виктору Николаевичу. Дальше сразу же включаешься в работу. В этот момент идёт постановка квартир клиентов под охрану и наоборот снятие офисов и других объектов с охраны. И тут сложность заключается в том, что необходимо чётко и быстро ответить на телефонный звонок клиента и подтвердить либо постановку объекта под охрану или же снятие с охраны. Причём, приём сообщения и подтверждающий ответ должен укладываться в 5-7 секунд. За это время ты должен выслушать от клиента Пароль. Открыть строку с Зелёным сигналом, подтверждающий нормальное снятие либо постановку под охрану, открыть строку, где хранятся краткие данные по объекту и клиентам, удостовериться в том, что вскрывается объект или сдаётся под охрану тем лицом, что и в списке, и он произнёс правильный пароль. И подтвердить снятие – постановку. И всё это за несколько секунд, так как следом уже разрываются от звонков другие телефонные аппараты. А ведь таких звонков, на которые ты должен ответить – несколько сотен. И если дежурный с помощником допускают сбой в этом процессе, то экран начинает из зелёного быстро превращаться в красный. Гораздо хуже, когда происходит сбой в технике и клиент не может поставить квартиру на охрану, или наоборот происходит неправильное снятие объекта с охраны. Тогда время телефонного разговора увеличивается до 20-25 секунд, за которые ты должен разобраться в ситуации и дать дельный совет клиенту. Да ещё, когда клиент проявляет бестолковщину, либо сам нарушает порядок снятия объекта с охраны – принять решение – посылать ГБР на сработку или нет? Помимо этого вести переговоры по радию с группами ГБР, докладывающими по своей линии... И вот этот шалман, по снижающей, идёт до половины двенадцатого и... – затихает. А к этому времени ты «выжат как лимон». Но зато впереди больше пяти часов спокойного дежурства, когда ведутся лишь необходимые переговоры по радиостанции с ГРБ и другие мелкие дела. В это время можно спокойно попить кофе, поболтать с зашедшими в нашу комнату, просто спокойно посидеть, искоса поглядывая на экраны компьютеров.

Примерно с пяти часов спокойствие постепенно прекращается и начинается второй этап нашей активной работы. Клиенты начинают возвращаться домой и снимать с охраны квартиры, а офисы начинают ставиться под охрану. При снятии с охраны мало бывало проблем, а вот при постановке очень часто случались сбои и тогда начиналась самая трудная часть работы. Большинство объектов было достаточно пере поставить сигнализацию, тем и снять проблему. Но если объект новый и сотрудники ещё не в полной мере освоили процесс постановки, или опять же бестолковая женщина, ставящая под охрану.... А было ещё несколько объектов в глубине кварталов, которые искажали сигналы и там была целая морока с их прохождением... Вот тогда появлялись определённые трудности, да ещё когда нарастал вал звонков. Но здесь очень здорово помогал дежурный техник, который дежурил с нами до 23:30. Он брал на себя все эти технические вопросы, а когда это было необходимо – выезжал на объект. Но всё равно, вот этот второй этап работы оперативного дежурного с помощником, был гораздо трудней, чем утренний. Вдобавок, при заступлении на дежурство обязательно смотрели информацию о магнитных бурях и какой они интенсивности. Потому что в момент прохождения магнитной бури через Землю, количество сбоев в сигнализации, в прохождении сигналов с объектов на пульт дежурного, только увеличивалось и приходилось выслушивать в свой адрес море ругани и негатива. И всё это длилось примерно до 23:30, после чего всё успокаивалось. Так как первая половина ночи почти всегда была спокойной, то первым шёл спать оперативный дежурный до 2-х часов ночи. Потом помощник спал до 6 часов, а дежурный бдил. Если в первую половину ночи ГБР больше выскакивала на вызовы в кафе, сауны, где подвыпившие клиенты устраивали разборки между собой или с персоналом данных заведений, то во второй половине в основном происходили проникновения на объект с последующей кражей. И в основном это были так называемые «Хапки». Разбил окно, заскочил, хапанул, что лежит на глазах и выскочил.... И тут очень многое зависит от скорости передачи информации оперативным дежурным к Группе Быстрого Реагирования.

Вот такой успешный «Хапок» случился у меня на третьем дежурстве. Я опять дежурил на пару с Ксенией и уже более менее уверенно выполнял обязанности оперативного дежурного.

В 12 часов ночи, убедившись, что больше ни каких сложных ситуаций не будет, с чистой совестью пошёл спать. В два часа Ксения меня разбудила, и остаток ночи прошёл спокойно. Так же и утро. Но вот перед приходом начальства прозвучал звонок с одного из офисов, снятых из-под охраны пять минут назад.

Я поднял трубку: – А у нас ночью украли сетевой блок....

– Как украли? – Я тупо уставился на трубку.

– Окно разбито и с подоконника исчез сетевой блок...

– Хорошо. Сейчас, в течение пяти минут, к вам подъедет наша группа и будем разбираться.

Отдал необходимые указания ГБР по радиостанции и с молчаливым вопросом повернулся к помощнице, которая выглядела явно растерянной.

– Борис Геннадьевич, был сигнал, но я его посчитала ложным и не послала группу...

Я и сам уже знал, да из рассказов остальных, что бывают сигналы и ложные. Их было не так уж и много, но они были и искусство, и опыт оперативного дежурного и помощника, как раз и заключались в том, чтобы разобраться – ложный он или идёт сработка от проникновения на объект. Хотя радиосигнал он и есть радиосигнал и как тут определишь чисто интуитивно? Но уже потом, когда имел опыт, знал многих клиентов по голосу, знал оперативную обстановку, знал индивидуальную историю особенностей многих объектов – вот тогда, можно почти безошибочно определить. Ложный сигнал или нет. Но всё равно – оперативный дежурный или его помощник обязан был отправить группу, что она не сделала. Приехавшая на объект по моему приказу группа, подтвердила – окно разбито и с подоконника исчез блок, о чём свидетельствуют пыльный след от блока.

Быстро провели расследование. Компьютеры зафиксировали сработку, видеокамера, регистрирующая действия смены дежурного и запись всех переговоров показали, что сработка произошла во время дежурства Ксении и она приняла сигнал, но не предприняла никаких действий. Даже не доложила мне, когда разбудила. Был прокол и со стороны пострадавшего офиса: по инструкции, они не должны были ничего хранить на подоконниках – ценные вещи, аппаратуру, да и вообще ничего там не должно было быть, чтобы самой мысли не появилось у потенциального вора. Чтобы не произошло именно такого «Хапка» – разбил окно, схватил и убежал. Но, основная вина была, конечно, наша и тут хоть как ни крути, но отъехать от ущерба не получалось. Хоть и здесь не было, так сказать, прямой моей вины, но чувствовал я себя очень виноватым.

Следующее дежурство я взял уже всё на себя и чётко определил Ксении – за что она отвечает и как действует. Думал, что будет очень много возмущённого фырканья, но она покорно и молча согласилась со всеми моими требованиями.

Это было последнее моё дежурство с ней и я начал ходить по переменке то с Катей, то с Леной, которые оказались нормальными и общительными женщинами и с ними было легко и приятно работать.

Я набирался опытом и уже довольно уверенно проводил свои смены. Если здесь, в офисе, я постепенно зарабатывал авторитет, то вот с группами быстрого реагирования – не получалось. Им не нравилось, что новичок, хоть и из военных, но с самого начала работы, без раскочки, ставил задачи категорично, требовал их выполнения именно так, как была поставлена задача.

Лидером в группах был Юра Булатов. Среднего роста, жилистый, лет тридцати, немногословный, жестковатый и именно из тех мужиков, которых видишь на улице и моментально понимаешь – с ним лучше не связываться. А если попробуешь, то биться придётся до конца.... Или ты его или он тебя. Был он у директора фирмы на особом счету, иной раз выполняя его

отдельные хитрые указания. Под стать ему был и его напарник Пётр, здоровяк, с приличным брюшком, что впрочем не мешало ему в постоянных стычках, которые довольно частенько случались в ходе несения службы и на выездах на сработку. Что самое интересное, в прошлом он был шеф-поваром в ресторане «Тбилиси». И считался неплохим шеф-поваром. Но вот нашёл себя именно здесь, получая от этой работы изрядную долю адреналина, которого ему явно не хватало в прошлой деятельности.

Володя Абрамов, молодой парень под метр девяносто, более покладистый и адекватный в сравнении с Булатовым и Петром. Занимается спортом, рукопашкой и вроде с ним у меня наладились неплохие отношения. Но иной раз, правда очень редко, его клинило и тогда он становился опасен. Напарником у него был тоже высокий и крепкий парень, но был он несколько неуверенный в себе, тушевался в обществе остальных крутых парней нашей охраны и те частенько над ним насмеялись и довольно грубо, психологически загоняя того в своей неуверенности на более низкий психологический уровень.

Два брата Гильмулиных. Оба старшие групп. Если младший нормальный и адекватный, то старший был непредсказуемый. Абсолютно не понимаешь, как он поступит в следующий момент. Разговаривает вроде спокойно и нормально, а через секунду может накинуться и начинать выкручивать тебе руки или пытаться каким-либо болевым приёмом свалить тебя на пол и при этом по дебильному смеяться. То ли в армии у него были непростые отношения с офицерским составом, то ли ещё что, но у меня иной раз закрадывалась мысль, что таким образом он хотел компенсировать свои мифические жизненные неудачи, и хоть на несколько секунд возвыситься надо мной. Раскусив его эту гниловатую фишку, я старался не допускать таких ситуаций.

Это было ядро Групп Быстрого Реагирования. И, несмотря на своих именных тараканов в голове, они грамотно и добросовестно выполняли свои служебные обязанности и не пасовали в очень рискованных ситуациях, когда дело доходило до стрельбы или когда они сталкивались с другими не менее крутыми. Как говорится – «Смело действовали штыком и прикладом». За пару недель до моего прихода, пришёл сигнал с «тревожной кнопки» одной из саун и одновременно бестолковое сообщение администрации сауны по телефону. Одно было понятно, что гуляет компания пьяных, которые отказывались платить.

Кинули туда ГБР Юры Булатова и старшего Гильмулина. И когда они туда приехали, то выяснилась совсем неприятная картина. Гуляли в сауне «синие», отмечавшие Выход своего подельника с Зоны. Причём, праздновали широко и круто. И было их гораздо больше, чем наших четыре человека. Поэтому те встретили прибытие охранников весело и с хорошим боевым желанием нагнуть «гражданских цириков». Но наши не дрогнули и нагнули их, нагнув жёстко, больно и с активной стрельбой. Повалили и положили на пол там всех, с руками на затылке, попутно расстреляв вдрызг, весь подвесной потолок...

А вечерами, во время дежурства, они объезжали подконтрольные кафешки с целью профилактики и попить кофейка. Кофе с булочками и колбаской было за счёт заведения, потому что одно только появление этих Рексов в кафе, усмиряло многих забулдыг и любителей покочевряться. Даже после их убытия, в кафе практически до закрытия сохранялась нормальная обстановка.

И вот с такими парнями нужно было налаживать контакт, на фоне полупрезрительного отношения к оперативным дежурным. Типа: – Сидят там..., в тепле и ничем не рискуют, а тут крутимся и бьёмся, как сволочи... – Тем более, что после меня приняли ещё двоих оперативных дежурных. Оба офицеры, уволенные со службы.

Первый: Андрей, здоровяк, под два метра, капитан, бывший лётчик. Вроде бы мужик ничего, но был слабоват на выпивку, вследствие чего был довольно безвольный. Из-за этого его и турнули с армии. Так-то, по виду не скажешь, что он с «сюрпризом»... Тем более – мужик

видный, красивый и, что самое важное для женщин – «свободный». И женщины к нему липли как мухи. Но когда выпьет, вот это безволие проявлялось во весь рост.

Второй: Вадим, майор с исправительной системы, с украинской фамилией и сильным хохляцким менталитетом – «Всё к себе..., всё под себя..., моя хата с краю – ничего не знаю»... И очень «мутный», отчего сразу же не пришёлся «ко двору». И может быть его и турнули бы сразу, но острая нехватка оперативных дежурных сдерживала этот порыв начальства. И Группы Быстрого Реагирования их вообще не воспринимали на нюх. Если со мной хоть и спорили, пытаясь оспорить мои решения, но я настаивал и настойчиво гнул свою линию и они с видимым неудовольствием, но выполняли мои указания, что очень раздражало их. А те пускали на самотёк или спуливали принятие решения на своих помощниц, с которыми у Групп были вполне лояльные отношения. Хотя им тоже приходилось частенько с ними ругаться.

И вот через два месяца я «закусился» с Юрой Булатовым, который дежурил со мной. Отдал приказ по радиостанции выдвинуться к одному из объектов. Может быть я и перегнул с тональностью приказа, может что ещё Булатову послышалось в этой тональности. И он вместо того, чтобы ехать пустился в очередное пререкание по радиостанции. Пришлось проявить жёсткость и они всё-таки выехали, пообещав вернуться и разобраться с «бурым» дежурным.

Со мной стояла Катя и она стала очень переживать после такого многообещающего желания пообщаться, понимая, что Юра Булатов так просто слов на ветер не бросал. А я морально готовился к схватке – как к словесной, так и к горячей фазе.

Драться не боялся. Тоже был не хилаком и не последним бойцом. Даже если и проиграю схватку – обидно не будет, так как прекрасно понимал, что есть миллионы мужиков, которые сильнее меня, умнее и моложе, отчего и реакция лучше. Хотя я думаю у Булатова хватит благоразумия не доводить дело до банальной драки.

Булатов ворвался в комнату оперативного дежурного и остановился, вперив тяжёлый взгляд в меня. Но я не дрогнул и не стал оправдываться, что он логично ожидал и ему пришлось самому переходить в наступление.

Выслушав гневливо возмущение с вполне конкретными обещаниями физического воздействия, я спокойно предложил.

– Юра, если у тебя есть желание расставить все точки над «I», то давай не будем этого делать здесь. Здесь просто места нет, а спустимся в вашу комнату и там, без лишних свидетелей, обсудим все вопросы и со всех сторон. Может быть и с обоюдным удовольствием повалю друг друга... Если, конечно, возникнет такое желание... Мне вот этого... пока не хочется. Но если хочется тебе...? Ну..., давай...

– Хочется..., – буркнул Булатов и, круто повернувшись, исчез из дежурки.

– Борис Геннадьевич, не ходи, – всполошилась Катя.

– Аааа..., – махнул рукой в ответ, – рано или поздно это должно было случиться. Так пусть это будет сейчас. Пока я в боевом настроении... Но я, Катя, как опытный командир, возьму сейчас паузу в минут десять. Так что не переживай – либо он «перегорит» за это время, либо... Всё-таки я надеюсь он «перегорит».

В комнате охраны к моему удивлению была не только Группа Булатова, но и сидел Вовка Абрамов со своим напарником, которые в это время должны были быть на базе Группы на другом конце города. И все они явно ждали меня и явно не для мирного разговора, что меня неприятно удивило. Но марку надо было держать и первым делом я наехал на Абрамова.

– Я не понял – А что ты здесь делаешь? У тебя район брошен и не прикрыт...

Володя окинул меня недружелюбным взглядом, но ответил спокойно: – Вот сейчас с тобой разберёмся и поедем к себе в район. Ничего с ним не случится...

– Хорошо, только я пришёл сюда выяснять отношения с этой Группой, а не с твоей... Или у вас тоже есть какие-то претензии к выполнению мною обязанностей оперативного дежурного?

Вот тут-то Булатова прорвало и он разразился площадной бранью в мой адрес и я насто-роженно сделал шаг назад, чтобы прикрыть спину. А когда он замолк, чтобы набрать новую порцию воздуха в лёгкие, опередил его.

– Булатов, я не понял...?! А других слов кроме матерных, что ли нет? Вроде бы не с деревни приехал...

Булатов открыл рот и закрыл его, яростно сверля меня взглядом, но потом разом обмяк и перешёл на нормальный язык.

– Так..., Цеханович, нам не нравится, как ты работаешь....

– Стоп..., Стоп, Юра. Оценку моей работы может дать только начальник охраны Виктор Николаевич и директор. Если тебе не нравится что-то в моей работе... Вон..., подымись в офис и изложи...

– Я не стукач и мы тут сами разберёмся без всякого начальства.

– Хорошо..., – я тоже с ходу вошёл в раж, – хорошо. Так что тебе больше не нравится – я лично или как я отдаю приказы? Но сразу хочу сказать – сюсюкаться не собираюсь. Не в бирюльки играем и за нашими спинами не копейки, а очень приличные деньги.... Так что не нравится? Конкретно...?

Но Булатов молчал. Скорее всего он пытался сходу сформулировать претензию и у него не получалось, а пауза неприлично затягивалась. Надо было что-то говорить и гнать дальше «свою пургу». Булатов попробовал, но ошибся с тональностью. А может быть, видя, что я не испугался, не дрогнул, решил сгладить остроту ситуации.

– Значит так. Зайдём с другой стороны. Ты тут ещё только новичок, а мы работаем здесь уже несколько лет и заработали достаточный вес и авторитет. Я уже не говорю про опыт. Поэтому не нравится, что ты начинаешь нас гонять по мелочёвке. Ты там на верху сам разруливай эти свои ситуации... Да и насчёт тональности... Мы тебе тут не солдаты срочники и свой голос подымай на другие группы, если они тебе это позволяют....

На этом, в принципе, всё и закончилось. Вернее, не получилось поставить на место. Во-первых: он перегорел и потерял инициативу. Во-вторых: что немало важно – они не увидели, что я их испугался... И всё сошло на обыкновенный «Пшик», хотя мы ещё по инерции минут пятнадцать мерялись «членами».

После этих выяснений отношений, где каждый остался при своём мнении, что-то стронулось с места в мою сторону. Постепенно выравнивались отношение с Булатовым и другими старшими Групп. Да..., конечно, они продолжали иной раз спорить в некоторых неоднозначных ситуациях, но это уже проходило в деловом русле и без обид. Но окончательно поднялся и утвердился мой авторитет после нелепого случая. И чем больше я отнекивался о своём участие в этом, тем больше народ утверждался – это сделал Цеханович.

Лётчик, Андрей, пару месяцев работал оперативным дежурным нормально и его склонность к злоупотреблению «зелёным змием» не кидалась в глаза. Красовался в нашем офисном здании и успел охомутать несколько женщин с других организаций, с других этажей и стал частенько перебирать. А как нарежется, его всегда тянуло на работу. Первое время мы это воспринимали со здоровым смехом, но потом смеяться расхотелось. Андрюха приходил, вёл пьяные разговоры или нудно рассказывал свои обиды на жизнь и на каких-то совершенно незнакомых людей, мешая и отвлекая. Или же просто падал на диван, где мы отдыхали и хрен его стащишь оттуда такую машину. Через раз приходил на смену с хорошей пьянки, за что имел неприятные беседы с начальством.

И вот однажды, поздно вечером, заявился в моё дежурство пьянувший в дымину.

– Андрюха..., – выразил я законное возмущение, – ты же пьяный, и завтра меня меняешь. Иди домой... Проспись, утром чаю покрепче и душик похолоднее...

Но Андрей равнодушно и вяло отмахнул мои предложения и плотно уселся на диван, знакомо заведя свою вольтку о безнадежно испорченной жизни. Типа: – Подумаешь, выпивал

на службе..., но ведь летал-то трезвым и неплохо летал, в отличие от других.... А его выгнали и теперь он – лётчик..., должен опшиваться на земле....

Через пять минут всё это мне надоело и я уже решительно, едва сдерживая злость, и в повышенном тоне предложил ему удалиться. Тогда на дежурстве со мной стояла новенькая девочка Эльвира и она очень здорово переполошилась, потому что в воздухе запахло хорошей потасовкой. Меня понесло вразнос от самой мысли, что пол ночи я буду вынужден выслушивать пьяный бред и решил его просто выкинуть с офиса, несмотря на то что он был выше меня почти на голову, моложе и весовая разница тоже не скидывалась со счёта.

– Так, Андрей... Встал и вышел отсюда. Ты мешаешь. – С вызовом бросил ему.

Андрей поднял на меня мутный взгляд и несколько секунд до него доходило, что его практически посылают на фуй..., отчего он пьяно и моментально «завёлся».

– Боря, ты что подражаться хочешь? Так ведь я тебя уделаю на раз-два....

– Вот и пошли на лестничную площадку, там и попробуешь меня уделать.

Его пьяно-боевого задора хватило ровно на то, чтобы пройти через весь офис и оказаться на небольшой лестничной площадке последнего нашего этажа. И тут его силы оставили и он рухнул задницей на каменный подоконник.

– Ладно, Боря... Чего мы будем драться? Действительно, наверно я вам буду мешать. Я тут немножко посижу и пойду домой, – примирительно пробурчал Андрей, что меня полностью устраивало. Я вернулся в офис, закрыл за собой дверь на ключ и прошёл в дежурку. На немой вопрос Эльвиры, коротко и возбуждённо ответил.

– Всё нормально... Он ушёл домой...

А через десять минут на меня снизу вышел Булатов: – Цеханович, ни фига ты своего коллегу отметелил? Ну.., дал бы по роже разочек, а так вся рожа разбита, да ещё голова... Зря..., ведь завтра по трезвянке он с тобой разберётся....

– Не понял?

– Чего не понял? Хорош прикидываться... Да он мимо нас сейчас резово, весь в кровянице прошмыгнул и умчался на улицу.

Я выглянул на пустую лестничную площадку, которая была вся забрызгана кровью и сам лестничный пролёт до промежуточной площадки тоже был в крови.

Вернулся обратно и вызвал Булатова: – Так это он, Юра, на лестнице наверняка поскользнулся и видать скатился вниз....

– Ну да..., ну да..., – ехидно засмеялся Булатов, – только такое впечатление, что он там кувыркался несколько этажей...

На следующее утро Андрей заявился на смену с хаааарошим перегарищем, весь в синяках и с перевязанной головой. Виктор Николаевич уже провёл быстрое расследование и тоже уверовал – что это сделал я. Тут ещё немаловажную роль сыграло и весьма эмоциональное объяснение ночных событий новенькой Эльвиры. И сколько я не опровергал – ничего не помогало, а только работало наоборот. А когда Андрей честно признался, что был пьяный и его сильно шатнуло на площадке и что Цеханович здесь ни причём – это совсем всех убедило в моей причастности.

Андрея тут же уволили, а ко мне с лёгкой руки Булатова приклеилась кликуха «Гарнизон», которая стала и моим позывным. А мне что? Она мне нравилась.

Больше со мной никто не спорил, да и я набрался опыта и теперь весьма уверенно рулил на дежурстве. Довольно моей работой было руководство фирмы и начали среди персонала гулять разговоры, что меня вполне можно ставить заместителем Виктора Николаевича, когда полностью укомплектуется смена оперативных дежурных.

Виктор Николаевич в прошлом был лётчиком гражданской авиации и летал на АН-2. Мужиком он был нормальным, да и обязанности начальника охраны выполнял добросовестно. Уравновешенный, никогда не повышал голос. Всегда в костюмчике с галстуком, наглажен-

ный, выглядел интеллигентно. Вроде бы всё нормально, но был он всё-таки мягковат для этой должности. Для этих борзых парней из Групп Быстрого Реагирования. Они его слушались, но это только внешне. Очень редко с ним спорили. Выслушивали его инструкции, но делали частенько всё по своему. Служба оперативных дежурных была налажена, Группы соответствовали и здесь в конечном счёте была тоже и его заслуга. Но всё-таки на этой должности должен быть кто-то покруче, более требовательный, потому что у нас было куда расти и развиваться. А мы достигли определённых высот и остановились.

Я сам не хотел идти в подчинение к нему, потому что уже влился в работу оперативного дежурного, знал круг своих обязанностей и совсем не хотелось рвать жопу на новом поприще, опять доказывать всем, что я что-то там ещё могу... Да и по большому счёту Виктору Николаевичу совсем невыгодно иметь рядом чересчур активного и более инициативного зама, на фоне которого он будет бледновато выглядеть. То есть подсиживать его.

Мне было хорошо здесь. Хохла Вадима тоже уволили и мне пришлось ходить не сутки через двое, а уже через сутки. Пытались сходу набрать новых оперативных дежурных, но получилось это очень сомкано и непродуктивно. Кто отсеивался практически на этапе стажировки, кого приходилось увольнять буквально через пару недель. И эта чехарда длилась целый месяц.

Уволили и опытную помощницу Ксению и тут тоже залихорадило. Но вот с женщинами решилось гораздо проще и через месяц к Лене и Кате присоединилась жена одного из профессоров УПИ Марина. Очень интеллигентная, молодая и что не маловажно приятная женщина. Взяли помощницей бывшая проводницу с железной дороги Людю. Обе оказались вполне толковыми и надолго прижились у нас.

Потом набрали оперативных и полегчало. Служба покатила по накатанным рельсам – спокойно и продуктивно. Я уже знал индивидуальные особенности подавляющего количества наших объектов, узнавал по голосам многих клиентов. Даже было несколько клиентов-женщин, которые хотели, когда они звонили к нам, слышать только мой голос и все помощницы знали – если звонят с этого объекта, то с ними разговаривает только Борис Геннадьевич. Держал в памяти кучу номеров телефонов, паролей, адресов, фамилий и много чего интересного. И дежурства становились лёгкими, в конце которых с юмором рассказывал какие-либо приколы происшедшие во время дежурства.

Как-то раз произошла днём сработка сигнализации одной из квартир. По идее я должен сразу послать ГБР на квартиру, но я тянул время и, секунды ожидания звонка клиента с квартиры о снятии с охраны, плавно перетекли в минуту. За эту минуту я успел просмотреть «историю» объекта – Когда, что, во сколько срабатывало? И «история» объекта вроде бы куца – никогда и ничего не срабатывало. Но посылать ГБР уже было поздно и звонка с квартиры не было. А сработки шли – входная дверь, большая комната, спальня, кухня, туалет...

Это было запрещено инструкцией, но я поднял трубку телефона и набрал номер сотового телефона клиента.

– Да..., – с третьего гудка прорезалась трубка приятным женским голосом.

– Оперативный дежурный Уральской Ассоциации охраны бизнеса. Назовите пароль. – Потребовал я с напором.

– А что не прошло «снятие»?

– Не прошло. Пожалуйста – Пароль. – Жал я дальше и уже понял, что это наша клиентка, но давливал её.

Женщина тихо чертыхнулась и, слегка запнувшись, назвала правильный Пароль, мгновенно успокоив меня. Я расслабился и предложил.

– Спасибо, Мария Николаевна, – пробежав глазами по нужной строчке на экране компьютера, – вы сейчас пройдите из туалета к входной двери и сделайте пере постановку сигнализации, а то у меня красным светом на экране остальные сигналы забивает.

В эфире повисла непонятная тишина, потом неуверенный вопрос: – А вы откуда знаете, что я в туалете?

– Знаю и вижу, что вы там. Видел, как вы зашли в квартиру, потом из прихожей прошли в большую комнату, оттуда в спальню, потом на кухню, а сейчас в туалете... – я то сам ступил и не врубился в смысл вопроса, попутно убирая красноту с экрана.

А в трубке надолго возникла тревожная пауза, а потом резко и, высоко взлетев, прорезался визгливо-возмущённый голос: – Так вы что видите, как я сижу на унитазаеее...??? Да как вы смеете...? У нас же это в договоре не прописано.....

Я ответно чертыхнулся и засмеялся от дебильной ситуации, прикрыв трубку ладонью, но клиентка услышала мой смех и теперь возмущение перешло в банальную ругань и угрозы, где всё было смешано в кучу и в довершение всего она ненароком отключила связь.

Я ржал, как полковая лошадь на плацу и сквозь смех рассказывал помощнице Марине и та тоже смеялась от души. На наш смех заглянул Виктор Николаевич, но в отличие от нас он не смеялся. И потребовал набрать номер, объяснить неправильность ситуации и извиниться перед женщиной. Пока смех да дело, пока проходила быстрая разборка начальником охраны, клиентка пере поставила сигнализацию. Тревожный, звуковой сигнал умолк и с экрана пропала краснота. А клиентка сама позвонила по телефону.

Я сделал строгие глаза, хотя меня всего распирало от смеха, включил громкую связь и оттуда ПОТЕКЛО... Давненько я не слышал такого словесного ряда, длинного, непрерывного, сказанного на одном вдохе и выдохе. Потом новый вдох и уже посыпались угрозы и так минуты три... И – ТИШИНА....

– Алло...?! – Уже нормально-озадаченным голосом спросила трубка, после тридцати секунд тишины, в ходе которой я и Марина давились от смеха, а Виктор Николаевич задрал высоко брови в удивление. Наверно в гражданской авиации такие слова говорили очень редко и только в том случае, когда полукилограммовый молоток попадал с размаха по пальцу. – Вы меня слышите?

– Да..., Мария Николаевна..., – я говорил урывками, давя в себе сумасшедший смех, представляя, как хозяйка квартиры, сидя на унитазае со спущенными трусиками, лихорадочно шарил глазами по стенам туалета в попытке разглядеть глазок видеокамеры. – Да..., слышали ВСЁ.

Я уже справился с собой и быстро продолжил, сочиняя на ходу, так как говорить ей что шлейфы сигнализации установлены в каждой комнате и высвечивают на экране строчкой наименование помещения, в которое она заходила, было долго и сложно: – Вы меня совершенно превратно поняли. Я вас лично не видел. А видел ВАС в виде точки на плане вашей квартиры. Всего лишь в виде точки, перемещающейся по квартире...

– Так вы меня не видели...? – И бац, клиентка отключилась.

Я вновь набрал, но уже номер домашнего телефона: – Мария Николаевна, связь пропала. Это вновь я – оперативный дежурный. Вы извините меня, что я не совсем корректно ответил на ваш вопрос....

– Нет..., нет... Это вы меня извините, что много чего лишнего наговорила..., – всё закончилось очень нормально и она уже сама смеялась и рассказывала, как чуть с унитаза не упала, когда услышала мои слова. Виктор Николаевич тоже посмеялся вместе с нами, но сделал внушение. Сделал по-интеллигентски, мягко и тактично... Хотя можно было и по жёстче.

Но это так – весело и с юмором.

Или другой случай происшедший в булочной на улице Щорса. В начале дня сработала тревожная кнопка из булочной. Секунд двадцать пять ушло на передачу Группе Быстрого Реагирования сообщения. Тут же принял подтверждение и через тридцать секунд тревожный сигнал перестал пульсировать красным цветом. А ещё через секунд пятнадцать пришло сооб-

щение от старшего группы – Нападавший задержан... – Чем вверх меня и помощницу такой оперативностью в изумление.

Через десять минут мы знали подробности. В булочную ворвался поддатый молодой человек с большим кухонным ножом и сразу же налетел на единственную продавщицу, привлекательную деваху двадцати пяти лет от роду. Несколько дней тому назад, этот молодой человек, с явными признаками неудачника по жизни, и с такими же явными признаками хорошего опьянения, когда молодые люди считают себя сексуальными мужчинами с неотразимой внешностью, начал нагло приставать к этой продавщице. При этом, делая грязные намёки и мешая людям покупать хлебо– булочные изделия. Конечно, продавщица дала резкий отпор, а один из посетителей предложил вообще покинуть магазин. В таком пьяном состоянии иной раз возникает излишняя самоуверенность в своих силах, что парень решил продемонстрировать на этом посетителе, и жестоко поплатился за высокое самомнение. Был тут же прилично избит и как в хорошем мериканском кино, он оказался в прямом смысле слова выкинут из магазина, где пребольно упал на твёрдый асфальт.

Вот и сейчас, благоразумно дождавшись, когда в булочной не будет никого – он и ворвался.

– Ну что, Козаааа...., вот мы и одни и можно спокойно побазарить. Не захотела по-хорошему, будем трахаться по-плохому. – Приставив нож к горлу девушки, нагло заявил нападавший. Но продавщица успела нажать на Тревожную кнопку, что тут же заметил парень.

– Дура...., да пока они по пробкам будут ехать сюда, я тебя оттрахаю как хочу и деньги заберу... Раздевайся...

И тут скрипнула дверь и в булочную ввалилась Группа Быстрого Реагирования. От вида здоровенных охранников, с помповыми ружьями в руках, от такого внезапного и неожиданного появления у нападавшего случился ступор, перешедший в банальный испуг выразившийся в выпадение из рук ножа и неожиданном и обильном мочеиспускании. Мгновенно был скручен, руки заломили назад и надели наручники. Получилось очень удачно. Парни в момент передачи мною сообщения о сработке тревожной кнопки, патрулировали свой район и как раз остановились у булочной, чтобы в соседнем магазине купить сигарет.

Пару минут опрашивали девушку об обстоятельствах происшедшего, а закончив, решили, везти парня в милицию. Но тут неожиданно воспротивилась продавщица: – Ребята, да ну его на фиг эту милицию. Не хочу я с этим делом связываться. Отпустите его, а то он даже от испуга обоссался.... И сам больше не придёт. Стыдно...

Парни поглядели на девушку, потом на правонарушителя. Записали его адрес, фамилию и много чего другого. Парень отвечал с судорожной готовностью и так боялся, что даже не врал. Обещал вообще забыть про этот магазин, про продавщицу...

– Только отпустите..., – умолял он.

– Это хорошо, что забудешь, – задумчиво произнёс старший группы, – но эту забывчивость мы закрепим и не дай бог тебе потом вспомнить.....

Били его там минут пять – аккуратно, но очень больно. После чего открыли дверь и парень дал такого стрекача...., забыв про мокрые штаны.

Конечно, мы всё-таки опасались, что он попытается отомстить. Группы по несколько раз в день проезжали мимо магазина, периодически заходили туда. Но прошло пару недель и всё успокоилось, а один из наших доблестных охранников закрутил с ней хорошиееее... «Амуры».

Но иной раз было не до юмора.

....В 23:07, когда вал сигналов о постановке объектов под охрану резко пошёл на спад и я собирался пойти поспать, на экране моего компьютера замигал красным цветом тревожный сигнал, продублированный неприятным жестяным звуком. Сработала тревожная кнопка в одном из ночных баров.

– Вторая Группа на выезд..., тревожная кнопка..., – дальше я продиктовал адрес бара, принял подтверждение от Группы, что сигнал приняли, ещё через сорок секунд очередной доклад, что они с базы выехали. Но это уже принимала помощница. В таких случаях оперативный дежурный должен выжать максимум информации с объекта за то время пока Группа едет к месту происшествия, чтобы они знали, как им действовать. Но это не всегда получалось. Вот и сейчас я набрал номер телефона администратора бара без всякой надежды, что мне ответят. Но..., повезло. Трубку подняли и мне ответили испуганно-блеющим голосом: – У нас в баре «гуляет» большая компания бандитов..., ведут себя очень нагло... Избили в кровь одного посетителя и выкинули на улицу, а когда он попытался вернуться обратно ещё больше его избили....

– Чёрт..., чёрт!!!! Всем Группам Тревога. Всем срочно выдвинуться по адресу..., на помощь... второй группе. Вторая...!!! Сами не лезьте, дожидайтесь помощи....

Конечно, нужно бы вызвать милицию. Но существовало общее негласное понятие. Все такие случаи разруливаются без участия государственных силовых структур. Мы более эффективно можем разрулить всякие хитрые ситуации – Милиция вызывается только в крайнем случае... Поэтому я ждал с радиостанцией в руке и дождался – Посыпались доклады – Группы почти одновременно примчались к бару и обнаружили около входа избитого и окровавленного мужчину. Дальше моего вмешательства не требовалось. Там были опытные и резкие ребята и в восьмером они уж сделают всё как надо. Причём, это сделали с хорошим мужским юмором. Дубовым юмором, но очень эффективным.

Как оказалось позднее. Действительно, в баре «гуляла» криминальная пехота среднего шибыда одной из местных группировок, которая неделю назад ездила с «деловым бандитским» визитом в город Пермь. И там местные бандюганы по окончании визита, устроили шикарный променад для гостей по местным кафешкам, где беспредельничали, хвастаясь, какие они крутые и как их «уважают» в Перми. И вот теперь наши принимали Пермских и тоже пытались показать, какие они тут крутые «хозяева города».

Вторая группа, подхватив под руки избитого мужчину, ввалились в помещение бара, что было встречено радостно-многообещающим рёвом криминальной пехоты обоих городов.

– Кто это сделал? – Ничуть не смущаясь, громко спросил Юра Булатов, а напарник Пётр, отодвинув в сторону избитого мужчину, занял удобную позицию для стрельбы – Если что....

Пострадавший мужик сразу же умотал в тёмный угол, где и затихарился, а остальные служащие бара, тоже не стали ждать «суровой» развязки и шустро побежали к двери в служебное помещение за стойкой бармена.

Бандиты, стали не спеша вылезать из-за сдвинутых столиков, демонстративно засучивая рукава и снимая недешёвые часы с рук, предвкушая, как они сейчас наваляют и наверно даже представляли, как со вкусом, красочно и весело будут у себя в Перми расписывать предстоящее побоище. Но вот в такой пиковый момент, когда кровь горячо струится по жилам и хочется полностью и немедленно погрузиться в очередную победную разборку... Вот в этот момент, в зал ввалились сначала Володя Абрамов со своим здоровяком Димой. Потом с шумом старший Гильмулин с напарником таким же непредсказуемым и жаждущим драки, потом ещё одна пара...

Внезапное появление такой, решительно настроенной на драку, толпы вооружённых, крепких парней несколько остудил пыл разгорячённых «пехотинцев» и вызвал секундное замешательство в нестройных рядах. Стремительный и хороший удар прикладом поддыхало самому ближайшему и неосторожно приблизившему противнику, отчего тот моментально согнулся, мигом выдохнув весь воздух из лёгких.... Дальше было совсем неинтересно... Потому что все были деморализованы таким внезапным началом и никто не сопротивлялся, а в результате дружных и слаженных действий восьмерых здоровых охранников, всех уложили

на пол. Кто лёг и не дёргался, тем досталось меньше, а кто трепыхался, да ещё обещая разные отрицательные моменты в ближайшем будущем... Тем досталось хорошо и качественно...

Милицию не вызывали, это был бы перебор. После короткого разбора – К какой группировке принадлежат? Почему беспредельничали и за что отлупили мужика? Разобрались, а после того, как урки рассчитались с баром, кинули на пол перед избитым мужиком извинительные деньги их отпустили. Правда, те пообещали разобраться... И разборки были через три дня. На стрелку приехали Бригадир наших (Пермских уже в городе не было), приехали сами пострадавшие в той свалке... Кто-то был из авторитетов. С нашей стороны были все участники событий и в округе курсировали все Группы, готовые огнём, если что, прикрыть товарищей....

Надо сказать, Бригадир и Авторитет быстро разобрались в ситуации и как это не странно, стрелки перевели на своих, типа – вас же там было больше... и беспредельничать нечего было – не доросли ещё...

...Постепенно служба оперативного дежурного превратилась в банальную рутину. Всё уже знал, или почти всё... Все ситуации были стандартными и если что-то выбивалось из скучного русла дежурства, то это запоминалось и в конце дежурства со вкусом рассказывалось заступающей смене и офисным работникам.

...Как-то в одиннадцать часов вечера в дверь офиса вежливо постучали. На чёрно-белом мониторе лестничной площадки у входа в офис мялся гражданский.

– Кто?

– Откройте... ФСБ...

– Документ в камеру покажите...

Гражданский достал корочки, развернул и хоть камера была не особо качественной сумел прочитать – майор Алексейцев, печать, подписи... Вроде бы всё нормально, но я с осторожничал.

– Цель прибытия?

– А я с кем разговариваю? – Наконец-то проявил своё нетерпение майор.

– Оперативный дежурный Уральской охраны бизнеса....

– Так открой и будем разговаривать...

– Не положено. Цель прибытия? – Пусть психует, ничего он мне не сделает. Тот и сам понял, что за камерой скрывает упёртый служака, наверняка бывший вояка или если не вояка – служба здесь налажена. Он вздохнул и сообщил.

– Вам надо покинуть помещение, восьмой этаж заминирован. Сейчас будем искать взрывное устройство.

– Это такое учение или на самом деле?

Он опять вздохнул и вдруг вскипел в яростном вопле: – Да в завправду и если не уйдёте, то взорвётесь на хер...

Я сдержанно засмеялся и тем же тоном робота, лаконично заявил: – Не положено....

– Блядь..., – завопил майор, – открывай на хер, а то я сейчас разобью ваши стеклянные двери...

Достал пистолет, передёрнул затвор, загоняя патрон в ствол, и снова сунул его обратно в кобуру и, не убирая руки с рукояти пистолета спокойно сказал: – Открываю...

Дверь распахнулась и майор попытался сходу зайти в помещение, но на пороге чуть не уткнулся в меня. Особенно его впечатлил пистолет, который я демонстративно чуть вытащил из кобуры.

Я был в форме охранника, со значком «Оперативный Дежурный», да и его наверно просветили, что здесь не хилая охранная организация, «ходящая» под одним из местных олигархов... Поэтому он не стал задавать глупых вопросов, типа – Покажите документы... И на каком основании у вас пистолет...? Вдобавок поняв, что его не пустят дальше, он уже спокойным

тоном сказал: – Вы сейчас спуститесь со мной на восьмой этаж и будете понятым. Есть кого здесь оставить?

...Этажом ниже толпился различный служивый народ – милиция, сапёры, ФСБешники и ещё какие-то. На восьмом этаже, под нами располагалась хитрая контора, ходящая или контролируемая одной из силовых структур и занимающая делами в пользу этих структур. Там уже нас ждали, на стук открыли дверь и мы толпой зашли туда. Старший из ФСБешников сказал мне и ещё одному гражданскому: – Вы понятые и сейчас наблюдайте, что и как мы осматриваем... Внимательно смотрите, чтобы потом не было бебеканей и мемеканей... – повернулся к сапёрам и остальным и отдал приказ о начале осмотра. Не знаю, что они там искали, под предлогом якобы поисков мины, но начали они совершенно по-дилетантски. Старший ФСБешник подошёл к рабочему столу одного из ночных работников, открыл и вытащил верхний ящик стола... И застыл в удивление. Удивились и остальные, потому что ночная смена, вот эти четверо гражданских, совершенно не тянули на решительных мужиков, а скорее всего «на ботаников». И боевой «Макаров» смотрелся в ящике стола просто инородным телом. Пауза слегка затянулась, после чего ФСБешник на карандаше поднял пистолет и спросил: – Чей...?

Один из «ботаников» подошёл и стал что-то горячо шептать ему на ухо, отчего у ФСБешника лицо приняло кислое выражение. Пистолет был возвращён обратно в стол и дальше стали уже осматривать помещения и остальные закутки быстро. Правда, в последнем помещении уткнулись в непонятную коробку, на что ночные «ботаники» выдали недоумённое выражение и в дело включились сапёры. Я хотел уйти. Хер его знает – рванёт ещё, но ФСБешник запретил и пришлось остаться и уповать на Бога и не зря. Коробка со всеми предосторожностями была вскрыта и тут же закрыта, а рожа ФСБешника прямо расцвела от удовольствия. Видать, он нашёл то, что искали, хотя нам это, как понятым, не показали. На этом всё было закончено и мы были отпущены, даже не поставив своих подписей под протоколом, которого тоже не было.

Что уж там за «тёрки» были, так и осталось загадкой, а те, на восьмом этаже, продолжали спокойно работать и развиваться.

Да и вообще, с набором опыта – несение службы оперативным дежурным постепенно приобрело ещё более нудный характер. Да, в период с 9 часов утра по половину двенадцатого и с 18 часов вечера опять же до половины двенадцатого ночи мы с помощником просто кипели на своих рабочих местах и время летело очень быстро и активно. А вот в перерыве между ними – скукота страшная. И главное днём её заполнить было нечем. Книжки читать запрещено инструкцией, разговоры все переговорили и уже все обо всём друг о друге знали. И вот приходилось всеми способами убивать время. Ночью было проще – можно было читать или смотреть телевизор, или ещё какой-нибудь хернёй заниматься. Номер основного телефона оперативного дежурного на одну цифирку отличался от номера телефона одного из интим салонов, предлагавшего разные сексуальные услуги. И очень часто, хорошо выпив, мужики набирали неверной рукой заветный номер, ошибаясь на эту цифирку, и попадали к нам. И редкая ночь проходила без звонков, заказывающих весёлых и раскрепощённых девочек. Я всегда психовал, когда слышал заплетающийся голос, желающий заказать тело. Отвечал бранью и кидал трубку. Это когда один был за пультом, а помощница спала. Но иной раз трубку брала помощница и тогда можно было прослушать весёлый радиоспектакль, в ходе которого активно вешалась лапша и разводился на бабки нетрезвый народ.

– Алло..., – ответила Катя, которая в этот раз стояла со мной помощницей и тут же живо заулыбалась, подмигнула мне, включив громкую связь. Катя была привлекательной и очень живой женщиной, готовой поюморить и разыграть кого-нибудь. Вот и сейчас из расслабленной женщины она мигом преобразилась в опытную путану.

– Аллооооуу..., – голос из делового превратился в томный, с тягучей ленцой..., – аллооооуу...

– Это мы правильно попали? Куда хотели...? – Голоса принадлежали явно молодым и хорошо податным парням. Лет так двадцати двух тире двадцати четырёх, когда в голосе ещё проскакивали высокие петушинные оттенки, а взрослого солидняка они ещё не наработали. А сейчас в голосе, вдобавок, проскальзывала неуверенность и просительные нотки.

– Да... Что хотим молодые люди...?

– Нам бы двух девушек... Часика на три...

– Принято. Какие-то есть пожелания?

– Да..., да..., есть..., – радостно загомонили голоса на том конце и начали перечислять, – так... Нам надо две молоденькие девушки лет двадцати... Ну..., понятно они должны быть стройные, высокие... Да..., ещё чтоб грудь была четвёртого размера и стоячая... И упругая... И желательно чтоб одна была чёрненькая, а другая блондинка. Да..., ещё... ну... понятно..., чтоб без комплексов... Мы заплатим..., – поспешил успокоить невидимый абонент.

– Заказ принят. Но только где вы видели, чтоб грудь четвёртого размера была стоячей и упругой? У нас только одна девочка имеет четвёртый размер, но Увы и Ах, она мягкая и..., сами должны понимать, несколько висячая. Правда, есть одна девочка и у неё как раз третий размер бюста и стоячий, как вы хотите. А девушки у нас все без комплексов....

– Вооо..., во... Давайте с четвёртым и вот с третьим. Мы согласны.

– Хорошо. Но хочу вас огорчить – все девочки заняты. И я тут одна... Так что могу предложить только себя..

– А чего...? Что ли больше никого нету? – В голосе было море разочарования и уныния.

– А чего так невесело? Вы закажите меня и не пожалеете... Скажете адрес и через пятнадцать минут я у вас буду, – живо и очень убедительно предложила Катя.

– Ну...?

– Что ну? А..., понятно. Мне тридцать пять лет, невысокого роста, шатенка. Грудь..., – Катя с интересом посмотрела на свою грудь и продолжила, – грудь, правда, второго размера... Ну..., и естественно немного висит и мягкая... Ничего не поделаешь – возраст. Но, к вашему счастью, знаю всё..., а умею ещё больше..., чем девочки, которых вы хотите заказать и обслужу вас по полной программе... Да..., ещё – стою гораздо дешевле.... Ну, как...? И вы будете удовлетворены и я развеюсь..., так сказать, тряхну стариной.

Я давился от смеха и показывал Кате большой палец, а та сама еле сдерживалась. А в трубке тем временем шуршала телефонная тишина, которая через десяток секунд промялила: – Так вам..., тебе..., так ты ведь старая... Вернее..., в возрасте.

– Молодые люди, – строго сказала Катя, – вы имели дело только с молодыми девами и ни хрена в сексе не понимаете. Давайте соглашайтесь и не пожалеете..., ещё хвастать перед другими будете какой кайф словили....

– Счас..., – парни видать стали обсуждать ситуацию, потому что некоторое время из трубки доносилось невнятное бубнение, а потом, – хорошо..., мы согласны. Наш адрес....

Катя положила трубку и мы вместе расхохотались от души, а я её прижал к себе и сказал: – Хер я им тебя отдам. После такой рекламы – сам тебя хочу.

В этом плане у меня на работе позднее и другая очень интересная ситуация сложилась. Как-то раз подымался в лифте из оружейки в офис и на втором этаже в кабину зашла молодая женщина. Чёрт побери – красавица, эффектная, в таком же эффектном коротком красном платье, ножки, декольте, куда глаз так и лезет, я уж не говорю про третий размер бюста, заманчиво выпирающий из такого наглого разреза.

– Чёрт..., чёрт..., чёрт..., – я прямо застонал в экстазе, но только в душе, и с деревянным выражением на лице, – блондинка и по фиг что крашенная, макияж... А глазки..., глазки..., как они поблёскивают...

Проехала она со мной всего пару этажей, скромно потупив глазки, в то время как я её нагло раздевал глазами и вышла, оставив меня в обалдении и в облаке тонких духов: – Вот это женчинннн.....!!!!

Потом я ещё пару раз мимолётно пересекался с ней на этажах, откровенно пуская слюни, и в последующие несколько месяцев встреч с ней уже не было.

– Борис Геннадьевич, зайди ко мне, – я положил телефонную трубку и пошёл в кабинет Виктора Николаевича. Открыл дверь и чуть не споткнулся на пороге кабинета. У его стола, небрежно и изящно, закинув ножку на ножку, сидела вот эта незнакомка.

– Борис Геннадьевич, познакомьтесь, – сразу перешёл к делу начальник охраны, – Ирина... Новая помощница оперативного дежурного. Так как вы у нас самый опытный, то берёте под своё крыло, обучаете и с ней дежурите...

Вот это – Да!!!! Что называется – «Пусти козла в огород». Но внешне остался невозмутимым, лишь шаркнул ногой, натужно изображая саму галантность.

Лена, Катя, Люда – наши уже проверенные и надёжные помощницы приняли Ирину холодно и их можно было понять – внешними данными она их просто затмила. Покоробило их и излишнее внимание и мою суету вокруг неё. Также ревниво отнеслись к известию, что теперь она надолго будет дежурить со мной.

– Борис Геннадьевич, да она ведь вся наштукатуренная...., – а мне и не важно. Ведь штукатурка была очень хорошо и ровненько нанесена.

Уже на стадии стажировки и в последующие первые дежурства, когда мы оставались одни на долгие ночные часы в офисе, когда всё располагало к откровенности, стало понятно – Ирина не блистала умом. Ей было 27 лет, не замужем, образование – медучилище, по выпуску обыкновенная медсестра, но работала везде только секретаршей... Ну..., это понятно. Да ещё с такой внешностью – только секретаршей. И в нашем офисном здании была тоже в одной из компашек секретаршей. Но фирма лопнула и она попала к нам. Суждения о жизни и мечты были тоже понятные и простые – выскочить за богатого «Мэна». Даже если он будет очень старый – это не важно. Главное деньги. Она даже знала, сколько ей от него надо денег на месяц, на свои личные расходы, а с кем он там будет помимо неё «гулять и перепихиваться на стороне» – не важно. Главное деньги. И ещё одна фишка у неё была в этом плане – ей нравились мужики в возрасте. Как она говорила: – Мои сверстники мне не интересны. С ними не о чём разговаривать....

Я серьёзно и сочувственно кивал на эти милые меркантильные рассуждения, а в уме переводил: – Неинтересно, потому что к 27 годам парни ещё не успели раскрутиться и денег у них не особо есть....

Уж не знаю, чем я ей глянулся? Может возрастом...? А может потренироваться на мне решила? Денег то у меня не особо по заработку, да и обременён был семьёй. Да и откровенно говоря, совсем не собирался расставаться со своей супругой, которая по нашей совместной жизни была надёжным партнёром.

И она предприняла штурм моей крепости. Хотя какой штурм? Да я уже сам сдался... Она мне просто нравилась. И неважно, что у неё был меркантильный склад ума, что я очень не любил в женщинах. Её внешние данные перевешивали ВСЁ. Блин Клинтон! Причём, на мне она решила отработать все свои приёмы... И если ей, вот так запросто, удастся охмурить Бориса Геннадьевича.....!!!! То любого другого мужика она «сделает» только так. Только богатенького. Всё это просто читалось во всех её последующих действиях. И если она была хотя бы немного поумней – это ей бы удалось на «раз-два». Но она считала себя неотразимой красавицей и что этого по жизни достаточно.... Чтобы крутить мужиками и доить с них бабки. Не учла она другого – что есть, оказывается, мужики, в том числе и я, у которых есть здоровые принципы или по дурости упёртые.

Штурм заключался в банальном и откровенном соблазнении. В 18:00 наш офис закрывался на ключ и до 8 часов утра нас никто не тревожил. Ты остаёшься один на один с женщиной и тут можно было планомерно и не торопясь довести все отношения между мужчиной и женщиной до логического конца. И тут же на диванчике оторваться. Так сказать – не отходя от рабочего места.

Так и здесь. Ирина, надо отдать ей должное, очень следила за своей внешностью. И любой выход «в люди» или на работу готовился очень тщательно, что давало свой сногшибательный эффект на любого мужика. И на работу она всегда выходила и наряжалась, как на банкет – причёсон, платье, макияж – всё это было подобрано и работало на её цель.

Вот так она эффектно приходила на работу – всегда в новом и в другом. И такая нарядная куклолка сидела рядом со мной и изводила меня своими декольте и откровенно коротким платьем, открывающим длинные и изящные ножки до самого не хочу. А как она поворачивалась на стуле...!!! Или наклонялась над пультом...!!!! Блин!!!! Там же открывалось ещё больше... и заглядывалось дальше. А я только потел, воровато поглядывая на эти прелести, с нетерпением ожидая 18:00 и кляня себя за бесхарактерность, плевал на всё и говорил себе: – Хрен с ним – с принципами... Сегодня я её....

В восемнадцать часов клацал ключом в замочной скважине, отрезая нас от остального мира, и мы оставались одни.

Где-нибудь минут через пять она мне предлагала выйти из дежурки: – Борис Геннадьевич, мне переодеться надо..., – скромно опуская глаза.

А я уже знал, что это будет очередной спектакль на публику, в роли которой выступал я. А двери ведь стеклянные. А у меня в это время вдруг просыпалось мужское самолюбие и включался тормоз: – Что, Боря, слюни распустил...? Тебя же, как юного пионера, за письку берут и ты готов тут голым перед ней танцевать... Офицер на хер называется....

Всё это так. Но когда смотришь немножко наискось, сидя на кожаном диване в коридоре офиса, как не торопясь раздевается красивая молодая женщина.... Кружевные трусики, такой же воздушный бюстгальтер, который практически ничего не закрывает, а лишь поддерживает вот это всё роскошество....

А если в этот момент позвонит телефон или произойдёт сработка, чего она ожидает и так тянет время и она, вот такая, почти обнажённая, подбегает к дверям и в щёлочку между дверью и косяком (я бы никогда в жизни не сказал, что почти открытую дверь, можно назвать щёлочкой) и радостно кричит в коридор.

– Борис Геннадьевич, я что-то тут не пойму..., – я забегаю в дежурку, стараясь на неё не пялиться, практически голую... А она ойкает и так ручкой якобы закрылась смущённо, а на самом деле ещё так изогнётся... Это было издевательство над здоровом мужским организмом и таким же ставшим здоровенным, задубинившим органом. Как мне хотелось её схватить, зажать в страстном желании обладать.... Но я в себе всё это давил..., давил... А она стояла и ойкала..., типа – как ей неудобно. Я выходил обратно в коридор и она также медленно одевалась в другую одежду ещё более открытую, ещё более откровенную.

– Я вас не смущаю, Борис Геннадьевич? А то я люблю вечером более свободную одежду. – И я мычал ей в ответ, мычал что-то нечленораздельное, но как бы подразумевающее – что «Да»..., я деревянный. Меня ничего не смущает и у меня ничего не стоит, и я ничего не хочу и вообще.... Мне всё «до лампочки».

Хорошо, что в это время наступала горячая пора и мы до половины двенадцатого ночи активно работали над звонками и сработками, прямо сыпавшимися на нас как из рога изобилия. И вот когда вся эта суматоха заканчивалась, наступал второй этап моих испытаний и мучений. Она устраивалась спать на диване, тут же в комнате оперативного дежурного. И тут у неё была своя фишка. Она ложилась на диван и высоко закидывала ножки на самый верх спинки дивана. Правда, она сама закутывалась одеялом и ножки тоже, при этом поясняя.

– Это чтобы у ног кровь оттекала к низу и тогда ноги лучше отдыхают.

Да я не против, но когда она якобы уже заснула и во сне начинала ворочаться, то одеяло с неё слетало на пол полностью, открывая не только ножки по самые вот эти кружевные трусики, но там открывалась полностью грудь и всё остальное чисто женское и тайное.

– Блядь..., блядь..., блядь....., – я сидел за пультом спиной к дивану, но этой же самой напряжённой спиной, каждой мышцей, ощущая, как в метре от меня на диване лежит молодая женщина и она дразнит и ждёт..., наблюдая за мной сквозь едва сомкнутые ресницы. Ждёт, когда я сорвусь. А я ведь почти готов сорваться и только ничтожные остатки самолюбия и упрямства, не позволяют сделать последний шаг. Но, слава богу, она наконец-то засыпает и мои страдания, колебания и разные там мутные желания, накатывающиеся волнами, только увеличиваются. Потому что одеяло перед тем как заснуть, она скидывает на пол. БЛЯДЬЬЬЬ...

Теперь я могу, повернувшись к дивану, не смущаясь смотреть на неё долгим взглядом, на её тело и рука прямо уже тянется, чтобы совсем освободить от воздушной ткани едва выглядывающие розовые соски, взять в ладонь упругую грудь... Но..., нельзяяяя... Тогда совсем потеряю голову и... Нет... Пошло оно на хрен и рука отдёргивается...

Пфыыыы... И так каждую ночь. Но пока держусь. Постепенно она набралась опыта и уже сама вполне уверенно самостоятельно могла нести службу за пультом. Но, женские тараканы, водившиеся в этой очаровательной головке, частенько ставили её в глупое положение. Я ещё мог посмеяться, но вот Группы, просто бесились от её женских закидонов.

.... – Ирина, я пошёл спать. Так что сама Пароль на ночь назначишь..., – взял подушку и одеяло из шкафа и направился в коридор, где последнее время ночевали все на большом кожаном диване. Только заснул, как меня разбудила вся разобиженная Ирина.

– Борис Геннадьевич, я назначила Пароль, а Группы матерятся на меня. Чего вот они...?

Ворча про себя встал с такого уютного дивана, зашёл в комнату и взял в руки Мотороллу.

– Первая, вторая, третья, четвёртая. Я, Гарнизон. Чем вас не устраивает Пароль на ночь?

– Гарнизон! Ты чё...?! Ты хоть знаешь, какой она пароль назначила...? Ты себе этот Пароль в жопу засунь..., – заголосили возмущёнными голосами Группы. Я сморщил лицо в недоумённой гримасе и повернулся к Ирине.

Та мило развела руками, сморщила чистый лобик: – Вы же сами меня учили – Пароль должен быть ясный, короткий и чёткий. Вот я и назначила Пароль на ночь – «Петух».

– Ирина! – Удивлённо и одновременно возмущённо взревел я, но без матерных слов, – чёрт побери... Это что за Пароль?

Потом поднял Мотороллу: – Первая, вторая, третья, четвёртая... Пароль на сегодняшнюю ночь – «Забор».

Когда в Моторолле закончилось последнее удовлетворённое ворчание, спросил помощницу: – Ирина, ты хоть знаешь – Что такое «Петух»?

Ирина в удивление раскрыла глаза, в которых тут же плесканулось возмущение: – Борис Геннадьевич, вы что совсем меня за дуру тут держите...?

– Ирина, я не спрашиваю тебя про тут птицу, которая стоит на одной ноге и, разглядывая курицу, размышляет – Догоню – трахну. Не догоню – хоть согреюсь. Я тебя спрашиваю – Что означает слово «Петух» в мужской среде...

Молодая женщина подумала, потом внимательно посмотрела на меня и отрицательно мотнула головой. Да и понятно – она жила в другом измерении и в своём уютном и розовом женском мире....

Следующее дежурство: – Ирина..., – засмеялся, держа в руках подушку и одеяло, – я пошёл спать, а в качестве тренировки – Пароль назначаешь сама. Как это было в прошлый раз – ты помнишь. И что такое «Петух» – ты теперь знаешь.

Меня опять разбудили, как только заснул: – Ну что опять, Ирина?

– Борис Геннадьевич, а меня снова матерят за Пароль...., – обескураженно и виновато заявила помощница.

– Ну и что на этот раз? Какой Пароль на ночь...?

Она встрепенулась, даже приподнялась в каком-то экстазе и с придыханием произнесла: – «Любовьвьвьвь»....

Помимо вот таких личных моментов, иной раз юморных, другой раз раздражающих, была рутинная работа, требующая терпения, изворотливости и упорства и не всё и не всегда было гладко, а в основном нервно.

Хлопнули в моё дежурство магазин одежды на Белинского. Причём, всё это было сделано быстро. И мы несколько дней ругались и разбирались – Кто виноват? Либо я поздно передал команду, либо Группа долго вошкалась, выезжая на сработку. Причём, все разбирались со всеми: руководство фирмы с нами, мы между собой и все хором и одновременно слушали аппаратуру объективного контроля, где фиксировались все переговоры и всё это хронометрировалось. Потом шла обратка и градус разборки вспыхивал с новой силой. Потому что аппаратура объективного контроля показывала, что всё было в рамках нормативов. Я передал сигнал в Группу за двадцать секунд, Группа приняла и мигом сорвалась и примчалась к магазину. Там ехать то минуты две от базы Группы. Но факт фактом – магазин обворован и одежды унесли на 50 тысяч рублей. Меня, оперативного дежурного и старшего Группы наказали рублём, что нас очень обидело. А через несколько дней выяснилась истинная суть происшедшего. Оказывается, шлейфы охранной сигнализации на двери запасного выхода и в зале первого этажа срабатывали через раз, что и позволило произвести кражу. Вроде бы мы снова стали «белыми и пушистыми», но нервов было убито полно.

На следующее дежурство, ночью, произошла уже сработка в квартире на Уралмаше. И сигналы чётко показывали на проникновение. Группа примчалась вовремя: и точно – окно в квартире было вскрыто варварски. Старший Группы расположился в подъезде перед дверью, предварительно заклеив глазок на двери изоляцией, а его напарник под окном и шумнели, надеясь, что воры либо в панике выскочат в окно, либо в дверь, где их и повяжут. Шумнели раз, второй – никакого толка. В квартире тишина, но сигналы продолжали показывать нахождение посторонних внутри квартиры. Я начал звонить хозяйке квартиры по номеру сотового телефона, но дозвониться не смог. Также не отвечали и другие, указанные в легенде объекта, телефоны. А чёткие сигналы тревоги продолжали идти из квартиры, а конкретно из кухни. Парни продолжали сидеть и сторожить квартиру, а я молил бога, чтобы в это время не произошла тревожная сработка по другим объектам. Хотя уже распорядился другой Группе выдвинуться и встать на границе территорий, чтобы в случае чего они могли действовать как у себя, так и в соседней Зоне. Позвонил в милицию и сообщил о несанкционированном проникновении в квартиру.

– Сейчас..., пришлём группу захвата..., – солидно ответил дежурный милиционер. Пришли... Блинн...

– Гарнизон..., – возмущённо завопила радиостанция, оснащённая моим сообщением о группе захвата, – ты куда звонил? В какую ментовку?

И я согласился с их возмущением. Приехал УАЗик и из него вылезла женщина в милицейской форме «вся из себя» и молоденький милиционер в параллельных брюках. Они покрутились, повертелись и заявили: – Не имеем права вскрывать без хозяйки квартиры или доверенного лица. Ищите. Как найдёте, звоните – приедем...

Вот что можно на это сказать, кроме матов? Группа «захвата» уехала, а мы ведь уехать не могли. Мы ведь отвечали за квартиру. Парни матерились, а я лихорадочно искал участкового и послал другую Группу по адресам доверенных лиц. И только к шести часам утра, сумел собрать всех в кучу – группу «захвата», разъярённого участкового и недовольное доверенное лицо. Участковый был под хорошим градусом и устроил там, на месте, грандиозный скандал.

Оказывается, я его спалил, перед женой, когда ночью его искал, а он в это время квасил и трахался у любовницы.

Вроде бы теперь можно было брать, тех кто засел в квартире, но группа «захвата» ожидаемо отказалась штурмовать, заявив, что их дело только фиксация преступления и сбор доказательной базы. Участковый, выкинув весь свой гнев в крике, достал пистолет из кобуры с сомнением повертел его в руках и засунул обратно.

– Не..., я тоже не буду...

Парни зло перематерились, открыли ключом дверь и ворвались в квартиру нахрапом. Потом они не матерились, а только плюнули от досады. На кухне, пьяные в дымину, валялись малолетки. Оказывается, они усекли прибывшую на место Группу и, поняв, что им не уйти из квартиры, расположились у холодильника на кухне. Достали всё спиртное, что там было, а его там было достаточно. Разложили, порезанную колбаску, и что там было ещё, и хорошо, с горя, врезали.

Малолеток забрали в милицию, а мои завели участкового в дальнюю комнату, взяли за шкурку и сказали: – Поругался со своей бабой, вот теперь и сиди здесь и жди хозяйку и заодно охраняй квартиру.

Он особо и не дёргался – идти то ему было некуда и он в этой квартире просидел два дня, пока хозяйка не вернулась с дачи. Она потом, когда приезжала к нам рассказывала – Сожрал всё из холодильника и устроил за эти два дня капитальный срач в квартире.

Следующее дежурство было поспокойней, но тоже прошло не совсем гладко и остаток ночи дёргался и переживал, хотя выполнил всё как положено. Где-то в час ночи сработала сигнализация на квартире, в центре города, в новом, элитном доме. Группа выскочила туда. Осмотрелась. Сама квартира была на седьмом этаже в девятиэтажном доме. И с земли было видно, что окна и остекление лоджии целые. В подъезде, дверь квартиры тоже была в порядке и следов взлома не наблюдалось, но над дверью мигал красный огонёк сигнализации.

В истории квартиры вообще никогда не было сработок. Так что..., надо думать.

– Ну что там, Гарнизон? Что делать дальше? – Спросила Моторолла голосом старшего Группы.

– Сейчас..., – и стал набирать номер сотового телефона хозяина квартиры.

Ответили быстро, но голос был каким-то тихим и придушенным: – Да....

Я представился и сообщил причину звонка.

– Принял..., – опять в такой же тональности ответил мужской голос, что меня насторожило.

– У вас всё в порядке, Иван Григорьевич? Назовите Пароль...

В трубке придушенно хихикнули: – Слушай, оперативный дежурный... Ты меня отвлекаешь...

– Так..., Иван Григорьевич, в квартире сработка... Вполне возможно проникновение и вы должны приехать на квартиру. – Настаивал я.

– Приехать не могу. Сейчас, в данный момент, нахожусь на экономическом симпозиуме в Лондоне. Справа от меня сидит губернатор Эдуард Эргартович, а слева представитель Президента Латышев... Знаешь таких...?

– Ну, вот... Не мешай, а звони моему человеку..., – связь оборвалась и мне только и оставалось чертыхнуться.

Набрал второй телефонный номер, значащийся в легенде и через полминуты гудков, послышался заспанный голос. Я снова представился, уточнил что разговариваю именно с тем человеком и сообщил причину звонка.

– Ну и ладно..., – послышался звучный и сладкий зевок, а я заспешил, понимая, что сейчас и здесь положат трубку.

– Так надо выезжать... Там ждёт моя Группа Быстрого Реагирования, надо вскрывать квартиру, проверить её и сделать перепостановку, если там всё нормально... Машину за вами сейчас пришлю.

– Да нормально там всё... Нормально. Не ссы, оперативный... И Группу отпускай.

– Как это так? А если туда всё-таки забрались, к вам же потом будут претензии... И ко мне тоже...

– Да кто туда полезет...? Все прекрасно знают чья это квартира и лезь туда, только себе на задницу приключения наживать... Ну..., может быть только гастролёры...? А так всё нормально. А ты что – Не знаешь, чья это квартира? – Искренне удивился невидимый оппонент.

– Без понятия...

– Ну, ты даёшь! – Развеселился голос, – Это ж серый кардинал Росселя. Они ж сейчас в Англии. Так что не ссы. А если кто-то туда и залезет, так его потом, кому это надо, из-под земли достанут. А завтра я приеду с утра и посмотрю, и перепостановку сделаю.

Группу я отпустил, но приказал – раз в час проезжать туда и осматривать дверь. Хотя..., если это всё-таки проникновение – это всё равно, что мёртвому припарки. Но я был чист. Всё сделал, что положено по инструкции и всё это зафиксировано, и пусть теперь отвечает доверенное лицо перед хозяином квартиры. Правда, эта сигнализация долбила всю ночь и нервировала, но во время смены с дежурства, мужик отзвонился, сказал что всё нормально и перепоставил квартиру. Но мы договорились о времени, когда туда приедут наши техники и попытаются определить причину сработки. А то довольно часто сигнализация срабатывала на домашних животных. В этом случае, конечно, техники загроубляли датчики, но всё равно периодически происходили казусы. То забыли хозяева сообщить техникам, что у них есть кот. И вроде бы несколько месяцев всё нормально, а тут только хозяин с хозяйкой уедут на работу, как начнёт пиликать сигнализация. И они по нашему звонку летят сломя голову на квартиру через все пробки, где у дверей уже ждёт Группа. Оказывается, они с дачи привезли кота и тот пошёл гулять по квартире. Или попугай в одной из квартир научился открывать клетку и как только хозяин с хозяйкой уходил на работу, открывал клетку и давай летать по квартире. Сработка и Группа, вместе с хозяевами, сломя голову, мчались к объекту. Вскрывали квартиру, а эта хитрая, пёстрая бестия, уже залетала обратно в клетку и захлопывала дверцу. Только на пятый раз обратили внимание, что защёлочка на дверце открыта. Посмеялись..., но до этого матов было достаточно.

В таком режиме я проработал почти три года. Сказать, чтобы мне нравилась работа значит – соврать, утверждать, что не нравилась – язык не поворачивался. Несмотря на то, что она была нервная, она меня на данный момент устраивала. Но..., всё-таки хотелось другого – более динамичного, чтоб на этой работе можно было расти и развиваться. А тут, из-за сидячей работы только лишнего веса набрал в килограмм так пять. Вскоре мою кандидатуру выдвинули на должность нового, открывающегося у нас отдела. И я вроде бы всколыхнулся, составил бизнес план, как мне предложили, но пройдя собеседование у хозяина фирмы, выслушав его планы, понял – ничего тут мне не светит. Ерунда всё это. Нужно искать новое поприще для приложения своих сил. Но куда идти – вообще понятия не имел. И я всё медлил и всё тянул и тянул с решением уйти.

...Дежурство как дежурство. И ничего не предвещало, что это моё дежурство будет последнее. Всё как обычно. В середине ночи сработала сигнализация одного из офисов. Вовремя передал приказ на выдвижение, Группа тоже сработала хорошо, результатом чего стало задержание двоих воров прямо на месте преступления. Как только их задержали, сообщил в милицию и те тоже оперативно выехали к месту происшествия и через пять минут задержанные были переданы им. К этому времени другая Группа привезла директора компании и началась рутинная следственная работа. Парни с Группы дали первые показания и уехали оттуда, нести службу в своей Зоне, сообщив мне, чтобы утром смотрели ночной выпуск об

этом происшествии. Так как одновременно с дежурной следственной группой приехали телевизионщики.

Утром, не без самодовольствия доложил Виктору Николаевичу о задержании воров, об отличных действиях Группы..., ну и естественно не забыл похвалиться и самому. Сказал и о предстоящем репортаже. Сам посмотреть не мог, так как занимался сдачей дежурства.

– Борис Геннадьевич, – в дежурку зашёл мрачный Виктор Николаевич, холодно посмотрел на меня и продолжил, – так вот, Борис Геннадьевич, всё что вы тут мне рассказывали, хвалили Группу, прикрывая свою бездеятельность... Всё это оказывается неправда. Вы банально проспали, естественно и Группа не сработала... И воров не мы задержали, а милиция. Так что сейчас я поеду на объект и буду выслушивать там весь негатив в сторону работы нашей фирмы. А вас попрошу до моего приезда оттуда не уезжать домой и напишите подробнейшую объяснительную....

Прекрасное настроение, как ветром сдуло. Я даже растерялся от такого прямого и непонятного обвинения.

– Погодите..., погодите..., Виктор Николаевич... Какая милиция? Это мы задержали... Это я сообщил в милицию и они приехали, и мы передали им задержанных.... Да вы послушайте все записи..., – взревел я возмущённо, но Виктор Николаевич решительно отнёс все мои вопли.

– Борис Геннадьевич..., послушаем..., послушаем... Не беспокойтесь и до этого дойдёт дело. Только я сейчас уже выслушал от директора обкраденной фирмы очень нелицеприятные слова. А вы можете пройти ко мне в кабинет, я там записал репортаж о всех событиях этой ночи. Пойдёмте...

.... Мдаааа..., говорить после просмотра было нечего. Молоденькая девчущечка, с огромным микрофоном в руке, из-за которого её еле было видно, бойко щебетала о доблестных правоохранительных органах, которые пасли долгое время опасную банду воров, устроили засаду и наконец-то с поличным взяли прямо на месте преступления. Всё это сопровождалось целым рядом жизнерадостных картинок, где суровые и справедливые милиционеры принимали мужественные позы на фоне хлипких воришек, ну... ни как не тянувшие на опасную банду, орудующую в городе на протяжении нескольких лет.

Правда, один раз, где-то вдалеке мелькнула и наша Группа, стоявшие спиной к камере с чёткой надписью «Уральская Ассоциация Охраны Бизнеса» у автомобиля с логотипом нашей фирмы, больше похожей на рекламу с банки пива «Балтика». Добило меня и интервью главного там, на месте преступления, милиционера, который ловко обойдя враньё журналистки про опасную банду, засаду и другую лабуду, тем не менее положительно прорекламовал деятельность милиции и именно на этом случае.

– Ну что, Борис Геннадьевич, скажешь? – Ядовито произнёс начальник охраны, готовый ехать на randevу с директором пострадавшей фирмы. И мне только и оставалось недовольно буркнуть.

– Всё это – от первого до последнего слова – враньё.

– Вот про это враньё, Борис Геннадьевич, и представите мне объяснительную. Даже если это и враньё – То почему наши там просто стояли и не вмешались? Не дали интервью и своё видение событий?

Я пожал плечами и Виктор Николаевич поглядел на меня несвойственным для него суровым взглядом и уехал, а я посидел минут пять, соображая, что делать и решительно отправился к нашему системному администратору.

– Серёга, найди мне пожалуйста номер телефона главного редактора вот этих «Ночных новостей». Поговорить с ним хочу..., – Серёга сочувственно мотнул головой и через пять минут я уже звонил по телефону. Дозвонился сразу, представился и спросил разрешения поговорить с журналисткой, которая состряпала ночной репортаж.

– Так она уже ушла. Ночь отдежурила и ушла домой. А в чём дело? – Поинтересовался редактор. В течение пяти минут я обрисовал создавшуюся скользкую ситуацию и в чём была неправильность.

– Хм..., – хмыкнул озадаченно редактор, – так вы что – Опровержение требуете? Или что?

– Да я даже не знаю... Да и какое теперь может быть опровержение, когда это всё уже было ляпнуто на весь город... Прошу вас только разобраться в этой неприятной ситуации и если возможно, то в ближайшем выпуске как-то её исправить....

– Хорошо, я завтра разберусь, тем более что она у нас новенькая и неопытная и сегодня ночью она делала первый свой репортаж....

Я положил трубку и спустился на первый этаж, где Юра Булатов и его напарник сидели за столом и трудолюбиво строчили объяснительные.

– Ну что преступники – Тоже пишете? Ну..., пишете..., пишете.

– Ты чего, Гарнизон? – Охранники вызверились на меня.

– Да ничего.... Только я главный преступник, который всё проспал, а вы так невинно пострадавшие. Вы чего там, не могли что ли дать интервью?

– Да пошёл ты на фуй.... Менты могли на камеру трещать – их потом государство прикроет. А вот если мы свои хари на экране засветим – Кто нас прикроет? Так что нам на хрен и не нужно это интервью....

Как мне не хотелось, но пришлось писать объяснительную, которую и положил на стол, когда Виктор Николаевич вернулся в офис и начал нудеть, как ему там было стыдно и как мы вполне возможно можем схлопотать от пострадавшей фирмы «хароший...» штраф за предоставление некачественных услуг или не в полном объёме.

– Виктор Николаевич..., – мне надоело слушать начальника и я бесцеремонно прервал его, – так вы кому больше верите – Молоденькой журналистке, состряпавшей свой первый в жизни репортаж или проверенному работнику, с которым вы работаете уже три года? И доверяете ему определённые секреты....

– Борис Геннадьевич, не передёргивайте и не сваливайте своё бездействие в данном случае на журналистку.

– То есть вы верите больше её репортажу..., – настойчиво уточнил я.

– Да... Борис Геннадьевич. – Виктор Николаевич был твёрд как скала.

– Хорошо, – спокойно произнёс я, а у начальника охраны в удивление вздёрнулись брови. Он готовился к яростному спору со мной, а Борис Геннадьевич, почти признался. Но тут он ошибался. Я положил на стол три бумажки и щелчком отправил их к Виктору Николаевичу, – вот тут объяснительная... А, вот тут номер телефона главного редактора телевидения. Позвоните ему завтра и уточните насчёт репортажа. Думаю, вам будет интересно. А в третьей мой рапорт на увольнение. Раз нет доверия ко мне и моим словам – пришло время искать это доверие в другом месте. Так как я пенсионер и мне отрабатывать две недели не надо – то это моё последнее дежурство. Очень приятно было работать в компании. А за сим до свидание. Через три дня приеду за расчётом.

За пять минут, что я собирал в сумку свои немногочисленные вещи, весть о моём увольнении облетела всех в офисе и всё это время меня сопровождали удивлённые и сочувственные взгляды. Всё-таки у меня тут был твёрдый авторитет, наработанный добросовестной работой. Да и у меня было двойственное чувство. С одной стороны было жалко покидать наработанное место, налаженную работу, хороший коллектив, а с другой стороны было облегчение, от ощущения начала совсем новой жизни. Пока ещё неизведанной и неизвестной....

Твёрдо нажал кнопку и через открытую дверь, шагнул в лифт, в котором стояла смущённая молодая женщина.

– Скажите пожалуйста..., – несмело обратилась ко мне женщина, – я тут первый день работаю... А где тут первый этаж? Нажимаю кнопку первого этажа, а всё время попадаю в подвал...

С каменным выражением лица, хотя меня всего распирало от хохота, я нажал на кнопку второго, что как раз в нашем офисном здании и соответствовало первому этажу. Молча доехали до первого этажа и женщина резво почесала в сторону женского туалета и я наконец-то расхохотался во всё горло, представив как она бедняжка жалась изо всех сил от желания банально и именно вот здесь поссать и при этом сохранять невозмутимый вид. На мой неистовый хохот из комнаты охраны выскочил Юра Булатов и в удивление вылупил на меня глаза: – Гарнизон, ты чего? Крыша поехала...?

А я ещё больше расхохотался глядя на изумлённого Булатова, а когда закончился приступ смеха, сумел выдать: – Уволился, Юра вот и смешно стало...

На следующий день, ближе к обеду позвонил Виктор Николаевич: – Борис Геннадьевич, ну... – остыл?

– Остыл.... Остыл, Виктор Николаевич

– Оооо... Это хорошо. Я тут разобрался и на телевидение позвонил. Там тоже разобрались и хорошо накрутили журналистке хвост. Так что я не прав. Признаю, – повинился начальник и одновременно обрадовался, успокоенный моим бодрым голосом, – значит послезавтра выходишь на дежурство?

– Не..., послезавтра я прихожу за расчётом. Я своих решений не меняю, да и работу пришло время сменить.

Глава вторая

«НПО Строй»

Первые две недели я просто отдыхал. Не надо каждые два-три дня вскакивать в пол шестого утра, собираться, в семь бежать на трамвайную остановку и ехать почти через половину города, чтобы успеть к восьми. Сразу включаешься в приём дежурства, в этот вал звонков и только в 12 часов дня ты устало отваливаешься от пульта и можешь спокойно выпить чашку кофе.

А тут встаёшь спокойненько, потягиваясь, одеваешь спортивную форму и пробежка километра три. Завтрак, жена на работе и ты до шести вечера представлен сам себе. Я планировал такую беззаботную жизнь на месяц. Ну, а что? Пенсия почти пять тысяч рублей – средняя заработная плата по городу. Жена зарабатывает можно сказать отлично, работая главным бухгалтером фирмы. Но..., через две недели заскучал и решил поискать работу.

Вот прокрутился три года в охране с целью осмотреться и избрать другой вид деятельности. Прокрутился и так и не разобрался – Куда мне идти и чем заниматься в будущем? И по большому счёту у меня сейчас есть довольно большой опыт только охранной деятельности. И волей-неволей пришлось опять обратить своё внимание на охранные фирмы. Но уже идти туда не простым оперативным дежурным, а что-нибудь повыше – хотя бы и начальником охраны фирмы или его замом... Вот в этот момент размышлений и случайно встретился на улице с товарищем, воевавший со мной в первой Чечне. Оба очень обрадовались встрече. Зашли в кафешку и за пивком поделились своими жизненными удачами и проблемами. В принципе, проблемы больше были у меня, у него всё хорошо и работал он в такой продвинутой сфере, куда мне был просто заказан вход. И впереди, в ближайшем будущем, как он поделился таинственным шёпотом, придвинувшись ко мне – вот-вот должны были предложить совсем ХАРОШУЮ должность.

– А тебе, если хочешь – помогу....

На следующий день я уже шёл на собеседование и опять в охранную фирму, отвечающую за безопасность и охрану железнодорожного вокзала. За меня друг уже по ходатайствовал и поэтому, уточнив кое какие моменты предыдущей работы оперативного дежурного, предложили должность начальника смены.

– Ходить на службу будете раз в трое суток, в подчинение будет вот столько-то человек и ваша обязанность будет заключаться вот в этом....

– Да..., – добавил проводивший собеседование, видя моё непроницаемое лицо и понимая, что он был неубедителен, – если бы вас нам не рекомендовали, я бы промолчал. Но так скажу – между нами. Зарплаты у нас лишь чуть выше чем у других, но... Если начальник смены ПОКАЗАЛ себя, если нам интересно работать с ним, ему через некоторое время даём возможность открыть свой киоск в выгодном месте вокзала. Есть ещё пару способов поощрить нужных нам людей. Ну..., о них пока рано говорить... Как вам наше предложение?

Пообещав дать ответ завтра, я ушёл. Предложение не «Фонтан» и совершенно не по моему характеру. А также через своих знакомых в милиции, довольно подробно знал изнаночную часть вокзальной жизни, где порядочного человека хоть в форме милиции, хоть на должности начальника смены или просто крутого охранника, представляющие определённую власть и за которыми стоит конкретная сила.... Вот эта «почти» вседозволенность незаметно засасывала того в тёмный омут сначала мелкого криминала, а потом вообще частенько лишала человека чести, превращая в обыкновенного рэкетира и смотрящего «за кормушкой» Поэтому

уже через два часа позвонил и озвучил свой отказ. На вопрос – Почему? Ответил коротко – Из личных побуждений....

А на следующий день, в номере газеты «Работа» увидел объявление – «В охранную фирму требуется начальник охраны». Туда я и двинулся, сразу же как прочитал объявление прямо у киоска. Офис фирмы на улице Щорса, директор фирмы приятная женщина. Представилась и она рассказала, чем занимается фирма и как она видит обязанности нового начальника охраны. Фирма занималась физической охраной в основном концертов и других публичных мероприятий. А это предполагало чуть ли не через день быть занятым до полуночи и позже. А этого я нахлебался в Армии и хотелось совершенно другого. Я готов выкладываться на работе в течение дня с высоким КПД, но вечер и выходные дни хочу отдыхать.

Примерно в таких бесплодных попытках прошло ещё несколько дней. И как всегда сработала и оказалась верной пословица – «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Забрёл вечером «на огонёк» к товарищу и за совместным распитием спиртных напитков пожаловался ему на вот такой расклад поиска работы, который зашёл в тупик: – Даже не знаю теперь, в какую сторону двигаться...

Товарищ загадочно улыбнулся и налил рюмку: – Могу помочь. Мне вчера предложили должность Исполнительного директора одной из строительной компаний и они ждут моего ответа. Вроде бы всё нормально, но я себя просто не вижу в роли директора. Хрен его знает..., но не лежит у меня душа к этой работе. Так что если хочешь, я прямо сейчас позвоню и о тебе скажу...

Был бы трезвый – замахал бы отчаянно крыльями, с воплем – «Да ты что? Друг? Да никогда... Да я ж в строительстве – «ни рылом ни ухом».

Но сейчас, когда уже намахнуто несколько рюмок, бесшабашно махнул рукой и дал согласие. Товарищ сразу позвонил, отказался от работы и толкнул меня в это дело, а на другом конце провода сразу предложили встретиться завтра в 9:00 по такому-то адресу.

Вроде бы вчера, под градусом всё воспринималось легко, но утром я брёл в сторону базы строительной компании совсем невесело. Строительная компания – Блин!? Исполнительный директор – Блин Клинтон!? Что такое кирпич, что такое цемент и как построить гараж, как нормальный мужик, я знал. Но это гараж с кривой кладкой, да для себя, а там ведь придётся делать что-то более серьёзное и для других, да ещё которые выложили за это немалые деньги и за это имеющие право совать свой нос во все щели и кривые углы....

База представляла из себя огороженную территорию в один гектар, где прямо за большими воротами размещалось двухэтажное офисное здание. Меня ждали. Представительный мужчина лет шестидесяти, Галанин Илья Матвеевич – как он отрекомендовался, быстрым и внимательным взглядом оглядел меня с головы до ног и, удовлетворённый увиденным, сходу предложил должность исполнительного директора.

– Вот в этом кабинете и будешь работать, – обвёл он руками простенький кабинет, потом ткнул в сторону приёмной пальцем, где меня перед собеседованием встретила молодая и привлекательная женщина, – а там твоя секретарша Ольга. Понравилась.

– Понравилась, но поймите меня правильно. У меня же никакого опыта в этом деле нет. Может, что полегче предложите?

– Хорошо. Есть ещё две свободные должности – начальник отдела снабжения и менеджер.

– Тыловикив я ещё по армии терпеть не мог – поэтому не хочу, – брякнул я и Илья Матвеевич болезненно поморщился.

– Чего ж так категорично. Всякие там, как и в других профессиях. Ладно, тогда остаётся должность менеджера.

– Вот менеджером пойду, а там поглядим.

– Ну..., понятно. Менеджером – так менеджером, – Илья Матвеевич громко и резко хлопнул ладонями по коленям и энергично поднялся. – Пойдём, покажу тебе наше хозяйство и познакомлю с остальными.

– Так..., это наше здание, – Илья Матвеевич, махнул рукой на двухэтажное каменное здание с широким каменным крыльцом высотой в двадцать ступеней, – второй этаж ты видел. Там у нас все наши кабинеты...

Честно сказать, они меня не вдохновили. Более менее укомплектованные кабинеты были у директората. То есть совета директоров, куда входил Сам Галанин Илья Матвеевич, его сын Игорь Ильич и Алексей Иванович Котов, молодой парень с внешностью боксёра и одетый как новый русский. Ещё нормальной была приёмная, бухгалтерия, а вот комната менеджеров... Такое впечатление, что там только что закончилась стройка и пьяная бригада отделочников, забрав своё барахло, уползла, а туда вихрем залетели два менеджера..., потому что их честно предупредили: – Блядь..., быстрее занимайте кабинет, а то его другие займут.... – И те не просто залетели, но трудолюбиво затащили с ближайшей свалки разбитые столы и насмерть ушатанные стулья, чтобы застолбить кабинет. Когда мы зашли туда, там трудились два менеджера. Молодые парни, лет по двадцать пять.

– Николай и Арсений, – Илья Матвеевич одним широким жестом обозначил будущих коллег и сразу представил парней.

Николай сидел за старым, убитым компьютером, печатал и тихо матерился. Арсений что-то озабоченно считал на большом калькуляторе и тут же заносил результаты в тетрадку.

– Ребята. Внимание. Это, Борис Геннадьевич – наш новый менеджер и не надо так смотреть на меня. Он для вас не конкурент и будет заниматься исключительно полами.

Парни сразу помягчили лицами и уже с интересом поглядели на меня, а Илья Матвеевич небрежно махнул рукой в свободный угол, прокомментировав своё движение, – там у вас будет рабочее место...

И холодно, во всех помещениях было холодно, кроме бухгалтерии. На что Галанин старший самоуверенно заявил: – К осени запустим кочегарку и везде будет тепло...

А мне то что? Военного холодом не испугать. Я видел такие морозы, когда на полигоне на завтрак, обед и ужин буханки хлеба рубили топором или пилили ножовкой, чтобы было ровненько и поменьше ледяных отходов. Когда каша вытащенная из котла превращалась в кусок льда (ну..., не сразу конечно, но почти), а чай из горячего или очень горячего в кубовом котле, тут же становился просто холодным и когда, заходя в офицерскую столовую и видя малинового цвета буржуйку, все хором натужно-весело кричали: – Как кушаем? Стоя или сидя?

И это был не праздный вопрос, потому что в такие лютые морозы, даже одетые пару пропёрднутых каликов, да с начёсом, полушерстяные бриджи и ватные штаны не спасали любимую жопу от геморройного холода ледяной скамьи. И кушали..., кушали стоя, обступив раскалённую печку-буржуйку, которая совсем не грела, а только обжигала своим жаром на близком расстоянии.

Так что... Впрочем, я включился вовремя и успел услышать дальнейшее объяснение: – А там у нас, так сказать на первом этаже такая ни какая мастерская, бытовка для рабочих, и склад...

Точно, всё соответствовало тому, что он сказал. Помещение квадратов так в сорок, верстаки, тиски и разная другая ерунда, при которой можно было ремонтировать что угодно – начиная с автомобиля и кончая банальной переборкой электро агрегатов. А вот где было настоящее тепло – так это в бытовке для рабочих. Козёл такой, с мощной нихромовой проволокой... Балдёр короче. Тут сидел Максим Иванович, добродушный мужик моих лет, который оказался снабженцем.

– Оооо, как раз, Максим Иванович... Максим Иванович, открывайте склад, как раз Борис Геннадьевичу и покажем его материал.

Склад был забит под завязку бумажными мешками, наполненными тем, чем я буду потом работать и жестяными банками по 30кг. Потом мне показали остальную захлавленную мусором территорию, где располагался приличный размеров ангар: – Вот это всё, ту площадку за ангаром и вокруг ангара – всем этим займёмся летом. Вычистим, приведём в порядок и будем думать о расширении бизнеса. Тут вот ещё один небольшой цех, тоже его на лето оставляем. Просто сил пока не хватает. Оооооо..., а здесь у нас банька. Захочешь попариться, только скажи... А вот тут... Ну, тут у нас сам понимаешь – проходная, а это Света, наша охранница.

Ууу... Света то... типичная русская, красивая девушка. Стройная, не высокая, пропорции тела все соблюдены. Особенно привлекательно смотрелась грудь третьего размера. Стоячая. Но вот всё остальное, прямо кричало – Да, красивая, но я родилась и живу в посёлке Совхозный....

И это всё здорово снижало сногшибательный эффект от таких природных данных, до просто деревенской красивой простушки. Вот всегда меня удивляло. Есть миллионный город Екатеринбург, в состав которого входил посёлок Совхозный, который так и назывался с советских времён Совхоз «Свердловский». Он, в советское время и по сих пор занимался сельским хозяйством на окраине миллионника и своим продуктом снабжал город. И вроде бы сел на автобус №26 и через пять минут ты в городе, где видишь – как одеты девушки, женщины, какая сейчас на улице мода, как себя ведут...

Фиг вам... На улице города сразу видно – она приехала с Совхоза «Свердловский», с такой же деревни, как и другие, находящиеся за сто км и дальше. Кстати, это не только к женщинам относится, но и к парням. Они в этом плане меньше заметны, но всё равно – когда видишь парня одетого в стиле «Всё со мной и на все случаи жизни»: куртка, пиджак, тёплые ботинки... ну и вся остальная провинциальная атрибутика. Но, всё равно, девушка интересная, непосредственная с некой изюминкой...

– Ну вот, Борис Геннадьевич, наше хозяйство. Хочу заметить – не чьё-то или арендованное, а СВОЁ...., – Илья Матвеевич аж палец поднял гордо и значительно.

– Я согласен.

– Вот и хорошо. Давайте завтра к девяти часам подходите и начнём работать. Получите легковой автомобиль и поедem на первый свой объём.... А пока домой и всё спокойно переварите.

Да. Переваривать было полно чего. Тем более, что Илья Матвеевич наговорил мне много чего и из этого надо вычленить самое важное и что касается лично меня и будущей работы.

ООО «НПО Строй». Строительная компания. Но к строительству имеет такое...., опосредованное отношение. Дома не строит, но занимаются разными, мелочными общестроительными работами шабашными бригадами. Чтобы они не говорили мне, но прекрасно понимаю – качество у этих шабашников низкое. Но ими, под руководством Ильи Матвеевича занимались менеджеры Николай и Арсений. Николай – штукатуркой, маляркой, перегородками.... и другой фигнёй, а Арсений другими работами.... Так сказать, более эксклюзивными и требующие нетипичных решений.

Но это в общем плане была мелочёвка. Они, совет директоров, долго думали и пришли к выводу, что надо развивать новое направление – Полы. Бетонные полы с топпингами, сверх прочные, беспыльные, эстетические. Короче современные полы для производственных и складских помещений. И ещё наливные, самовыравнивающие полы для офисов и других помещений. Тоже прочные и беспыльные, простые в уборке. И что немаловажно, конкуренция была почти никакая. На город было всего пару компаний этого профиля. Но и они тоже сейчас находились почти в нулевом состоянии.

Вот под эти полы они решили взять менеджера, то есть меня. Как мне рассказал Илья Матвеевич, полов будет два типа. Один тип – Цембекс.... Как он мне прорекламиривал – Разлил и он сам раскатывается.... Самонивелирующийся оказывается. Второй, какой-то топ-

пинг... Самый прочный. По нему хоть на танке ездят и не царапины. Короче, было над чем думать. Но раз согласился – будем работать и делать эти полы. Тем более, что Илья Матвеевич пообещал мне завтра вручить ключи от нового легкового автомобиля: – Твой будет, менеджерский...

На следующее утро в офисе было людно. Помимо секретарши Ольги, двух менеджеров Николая и Арсения, снабженца, бухгалтерши, приехали ещё сын Илья Матвеевича и Алексей Иванович Котов. По комнате менеджеров хаотично перемещался ещё один мужик, лет пятидесяти, с внешностью кавказца, громко что-то рассказывая незнакомому двадцатипятилетнему парню, вольно, но опасно сидевшему на совсем дряхлом стуле.

Илья Матвеевич накоротке представил меня сыну и Котову, которые поглядели на меня разными по содержанию взглядами. Сын, высокий мужчина, неплохо выглядевший, лет тридцать восемь глянул на меня несколько высокомерно, а Котов – молодой парень с внешностью боксёра и одетый, как новый русский – с любопытством и исподлобья.

– Посиди здесь, Борис Геннадьевич, а мы тут посоветуемся немного.

Кавказец подошёл ко мне и протянул руку: – Валера... Боря..., – мы пожали руки друг другу. Следом поднялся молодой парень и тоже представился.

– Володя...,

– Борис Геннадьевич...

Минут через тридцать вся наша руководящая троица появилась в комнате менеджеров, туда же пришла вместе с ними бухгалтерша и секретарша.

Бухгалтерше, бальзаковского возраста и секретарше Ольге тут же предложили самые лучшие и крепкие стулья, куда они присели с опаской. Остальные присутствующие столпились по бокам, образуя как бы зрительскую аудиторию, а перед нами выстроились в ряд наше начальство. Илья Матвеевич, как старший, посередине. Справа от него высокий сын Игорь, слева коренастый и крепкий Алексей Иванович.

– Ну что ж, – начал Илья Матвеевич, прокашлявшись в кулак, – в принципе формирование нашей компании, под наши будущие задачи, наконец-то закончилось и она имеет следующую структуру. Совет директоров: исполнительный директор – это буду я, директор по развитию – Игорь и коммерческим директором – Алексей. – Илья Матвеевич по очереди показал рукой на сына и на Котова.

– Секретарём или офис-менеджером, это уж как кому нравится – будет Ольга. Бухгалтер – Наталья Ивановна. Менеджеры Николай, Арсений и Борис Геннадьевич. Николай и Арсений, тут всё ясно – вы занимаетесь по своим планам. А Борис Геннадьевич будет возглавлять у нас новое, половое направление. Вот сегодня и попробуем первый объект сделать.

– Володя, – Илья Матвеевич показал пальцем на парня, с которым я познакомился полчаса тому назад, – ты переходишь в подчинение Борис Геннадьевича первым рабочим по полам. А тебе, Борис Геннадьевич, завтра ещё двоих человек подгоню и у тебя будет полноценная бригада.

– Валера ты – прораб и на тебя ложится вся работа по организации и контролю производственного процесса на объектах общестроя Николая и Арсения. И начальником отдела снабжения назначается Максим. – Круглолицый Максим Иванович коротко кивнул головой в знак согласия.

Через пять минут совещание закончилось и я пошёл за Валерой принимать у него новый автомобиль, на котором должен был везти оборудование и материал в 40-ю больницу, где и будем делать первый свой пол в кабинете главного врача. Я ожидал увидеть в гараже реально новую машину. Вернее, она полгода назад действительно была новым «Москвичом» – каблучком. Но сейчас она выглядела новой только с первого, беглого взгляда и в ещё полутёмном гараже.

– На ключи..., владей..., – Валера протянул мне железное колечко с несколькими ключиками, но я уже пригляделся и отодвинул протянутую руку.

– Не, Валера, сначала гляну. – И потрогал правое зеркало заднего вида, внушающее мне опасение. Так и есть, оно свободно и легко болталось в разные стороны и совершенно не поддавалось регулировке. Валера начал было петь, что это ерунда, но быстро замолк, так как только с третьей попытки и с трудом я сумел открыть отчего-то заклинившую дверь водителя. А дальше пошло одно к другому: капот открывался через протянутую в кабину тонкую проволоку, которая в свою очередь приматывалась к непонятному болту. Теперь я не мог захлопнуть водительскую дверь и она всё открывалась и открывалась. Как-то очень уж легко болтались педали и многое чего другого интересного обнаружилось в ходе даже вот такого лёгкого осмотра.

– Не..., Валера, я такую машину принимать не буду, – тоже самое повторил и в кабинете Илья Матвеевичу, ввергнув его в изумление.

– А кто тогда всё это повезёт? – Имея ввиду материал и оборудование, растерянно произнёс Илья Матвеевич.

– Раз Валера ездил на ней – пусть и везёт.

– Нет, Борис Геннадьевич, Валера должен сейчас везти другой материал и на другой объект. Это твоя машина и ты на ней поедешь.

– Э..., нет, Илья Матвеевич, на этой машине только до первого перекрёстка можно доехать, если только не тормозить. А у меня столько денег нет, чтобы потом расплачиваться.

Глаза Ильи Матвеевича гневно и многообещающе блеснули молниями, в вспышках которых отчётливо разглядел – Это был мой первый и последний день работы в этой фирме. Из разговоров с будущими сослуживцами я уже знал – Илья Матвеевич был до пенсии полковником окружного масштаба, его высокомерный сын – подполковник налоговик. То есть, люди, не терпевшие возражений от нижележащих. Ну..., так же, как и я... Когда-то в армии.

Правда, молнии только беззвучно блеснули и погасли до поры до времени, давая мне шанс доработать сегодняшний день до конца или только до обеда, потому что исполнительный директор принял неожиданное решение.

– Хорошо, – зловеще произнёс он, – я сам поеду за рулём. Вы только машину загрузите. А ты, Валера, на своей машине отвезёшь Володю и Борис Геннадьевича в 40-ю и там меня ждите. Езжайте, а я минут через десять поеду.

Поездка прошла в угрюмом молчании и в обоюдном неудовольствии. Хорошо, хоть поездка была недолгая и через пятнадцать минут мы уже стояли на стоянке для транспорта больницы. А ещё через пятнадцать минут подъехал и Илья Матвеевич, который как только вылез, так сразу же обрушился с руганью на Валеру.

– Блядь..., – это было самое употребляемое слово на протяжении последующих пяти минут. В принципе, для Валеры, недавно служившем в армии прапорщиком, оно было не новое, а обтруханное и заезжанное, поэтому все остальные знакомые армейские обороты, Валера выслушал довольно равнодушно. Но, слава богу, и Илья Матвеевич, выкинув в ругани весь негатив от езды, успокоился и уже довольно благодушно констатировал – новая машина за полгода была благополучно убита.

– Валера, ничего не знаю, – вполне спокойно отдал приказ исполнительный директор, – но месяц тебе на исправление недостатков. Завтра мне на стол дефектовочку и через месяц передаёшь нормальную машину Борис Геннадьевичу.

Остальной день прошёл увлекательно и познавательно. В кабинете главного врача 40-й больницы. Надо сказать, самой большой больницы Екатеринбурга, а значит самого главного врача города, мы должны были сделать ровный пол оранжевого цвета из материала Цембекс Т2. Кабинет уже был освобождён от всего, в том числе и старого паркета, под которым оказалась «убитая» бетонная стяжка, испещрённая трещинами и выбоинами. Вчера, помимо разных размышлений и сомнений, по поводу моей пригодности к данной сфере строительства, я

внимательно и вдумчиво прочитал технологию устройства самовыравнивающихся полов типа Цембекс. Такие же теоретические познания были и у Володи, и у самого Ильи Матвеевича. Поэтому мы и начали с теории. С самого лёгкого. Достали «букварь», то есть инструкцию – снова и уже вместе, горячо обсуждая некоторые не совсем понятные моменты, чуть ли не хором читали – как его лить. Когда к нам в помещение заглядывал персонал больницы, мы хватали инструменты и начинали судорожно метаться, изображая бурную деятельность опытных половиков. А как только они исчезали, снова, склонив плотно головы друг к другу, принимались за чтение технологии устройства полов из Цембекса. Закончив обсуждение – начали. Пропылесосили существующую бетонную стяжку, прокатали валиком грунтовкой, а через час густым ремонтным составом Цембекс У2, который мы размешали в ведре, зашпаклевали трещины, выбоины и другие неровности. Получилось вполне ровненько и неплохо. Подождали, как положено 2 часа, чтобы шпаклёвка встала, после чего нанесли следующий слой акриловой грунтовки Цембексил. Дальше всё должно было быть точно по-европейски. На 25 килограммовый мешок сухой смеси Цембекс Т2, засыпанной в большую ёмкость, нужно было вылить 5,2 тире 5,3 литра воды. В технологии чётко это проговаривалось – именно это количество. Причём, это проверялось специальным контрольным кольцом, с помощью которого оценивалось вязкость и текучесть смеси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.